ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 103 (2486) Суббота, 25 декабря 1948 г. Цена 40 коп.

К новому под'ему!

Чувством высокой ответственности перед партией и народом была пронизана вся работа только что закончившегося пленума правления Союза советских писателей. Пленум не случайно сосредоточил свое внимание на вопросах состояния братских литератур — армянской, казахской, латышской — и на вопросах развития драматургии и кинодраматургии. В решении этих вопросов кровно заинтересованы читатели Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, всех советских республик, кровно заинтересованы миллионы и миллионы зрителей театра и кино.

Многонациональная социалистическая советская литература — самая передовая, самая идейная, самая реалистическая литература мира. Сила ее — в большевистской партийности, неразрывной связи с народом, в верности лучшим традициям великого русского искусства. Успехам своим советская литература обязана вдохновляющему и направляющему руководству партии Ленина—Сталина. Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам оказали плодотворное влияние на всю нашу литературу и, в частности, на драматургию.

Драматурги театра и кино обратились к коренным темам современности, к правдивому и разностороннему изображению советского человека — строителя коммунизма в его труде, в его деяниях. Лучшие драматурги и сценаристы сумели увидеть и показать в своих пьесах и сценариях борьбу нового со старым и решительно встали на сторону нового в его борьбе против косности и равнодушия, против буржуазных пережитков, против всего, что тормозит наше движение вперед. За последнее время ясно определилось наиболее плодотворное направление в нашей драматургии, представленное такими пьесами, как «Великая сила» Б. Ромашова, «Русский вопрос» К. Симонова, «Победители» Б. Чирскова, «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «Жизнь в цитадели» и «Борьба без линии фронта» А. Якобсона, «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Глина и фарфор» А. Григулиса, «Южный узел» А. Первенцева, «Закон чести» А. Штейна, «Константин Заслонов» А. Мовзона, «Большая судьба» А. Сурова и целым рядом других произведений. В кино это же направление привело к созданию таких выдающихся фильмов, как «Молодая гвардия», «Третий удар», «Повесть о настоящем человеке», «Сказание о земле Сибирской» и другие.

Однако нынешнее состояние репертуара драматических театров и кино не дает никаких оснований для успокоения. Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам театра и кино еще далеко не выполнены. Мало еще у нас хороших, высококвалифицированных, боевых пьес и фильмов, посвященных жизни и борьбе советского народа. Отставание советской драматургии становится тормозом для дальнейшего под'ема советской театральной культуры.

Президиум и секретариат Союза советских писателей не мобилизовали писателей на выполнение постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре театров, не вовлекли в работу над пьесами лучших писателей страны, не руководили писателями, создающими драматургические произведения, не оказывали им творческой помощи. Особенно недопустимо, что молодые писатели, пришедшие за последние два года в драматургию, не получали необходимой помощи со стороны секретариата и президиума Союза писателей.

В результате того, что этот важный участок советской литературы выпал из поля зрения секретариата Союза писателей, на сцене и в портфелях театров страны, в печати за последнее время снова появляются безидейные, нехудожественные пьесы. Одни из них («Бархатный сезон» Н. Погодина, «Совесть» В. Соловьева) являются прямым извращением советской жизни, искажением образов советских людей, другие («Не ждали» В. Полякова, «Студенты» И. Финка, «Жили три друга» А. Успенского) по своему низкому идейно-художественному уровню никак не могут отвечать выросшим запросам советского зрителя. На сценах театров появляются переводные пьесы западных буржуазно-либеральных авторов, не представляющие никакой идейно-художественной ценности для советского зрителя.

В нашей драматургии почти отсутствуют произведения, показывающие трудовые подвиги советских людей. Совершенно недостаточно изображаются на сценах театров рабочие и колхозники, их борьба за выполнение пятилетки, за укрепление могущества советского государства. Идейная борьба за торжество передовых советских материалистических взглядов в науке (например, в области биологии, сельского хозяйства, медицины), против враждебных и отсталых идеалистических взглядов современных буржуазных ученых Западной Европы и Америки не нашла своего отражения в работе советских драматургов. Разнообразные проявления низкопоклонства перед буржуазным Западом, которые еще имеют место среди отсталых слоев советской интеллигенции, подвергнуты разоблачению и осмеянию еще в очень немногих пьесах. Тема борьбы с проявлениями низкопоклонства, воспитание советского патриотизма остается одной из главных тем драматургии.

Союз советских писателей и его комиссия по драматургии не ставили перед драматургами задачи овладения профессиональным мастерством, повышения художественного уровня произведений. Во многих пьесах писатели, наблюдая явления жизни, фиксируют их без глубокого идейно-художественного обобщения. Нередко правильно поставленная тема в пьесе, ее большая идея не находит должного воплощения в характерах и личных судьбах героев пьесы. Все это приводит к тому, что эти пьесы, в силу их недостаточно высокого художественного уровня, не заинтересовывают советского зрителя и быстро сходят с репертуара.

Важнейшей причиной отмеченных выше слабостей советской драматургии попрежнему является недостаточная связь писателей и драматургов с современной жизнью и трудом рабочих, колхозников и интеллигенции. Союз писателей не играет роли идейно-творческого центра, возглавляющего и организующего систематическое, планомерное писательское изучение современной действительности.

Серьезным тормозом дальнейшего роста драматургии является нынешнее совершенно неудовлетворительное состояние театральной критики. Театральная критика не поддерживает наиболее плодотворное, передовое, идейное, партийное направление в драматургии, терпимо относится к произведениям поверхностным, безидейным, искажающим нашу действительность.

В театральной печати, как это было убедительно показано в выступлении А. Фадеева и в докладе А. Софронова, существует засилие критиков, стоящих на эстетских, формалистических позициях и с этих порочных аполитичных позиций пытающихся дискредитировать, сбить советскую драматургию с верного пути большевистской партийности. Под флагом защиты высоких художественных требований эстетствующая критика ведет борьбу против отражения **нового** в социалистической действительности, охаивает лучшие пьесы, получившие признание зрителей и всей советской общественности. Под флагом борьбы против «нивелировки» театров эстетствующая критика фактически тянет наши театры к давно прошедшим временам господства формалистических ухищрений, сбивает наше театральное искусство с позиций социалистического реализма. Немарксистские, аполитичные работы А. Гурвича, Ю. Юзовского, Л. Малюгина и других остаются нераскритикованными. В среде театральных критиков до сих пор существуют приятельские, групповые отношения. Часть советских театральных критиков (А. Борщаговский, Г. Бояджиев, Я. Варшавский) фактически идет на поводу у критики формалистской, эстетской, другие (И. Альтман, Е. Холодов) примиренчески относятся к этим чуждым взглядам на драматургию и театральное искусство.

«Литературная газета» не уделяет необходимого внимания работе советских драматургов и критиков.

Только разоблачив эстетствующих снобов, высокомерно третирующих советскую драматургию, можно создать благоприятную обстановку для подлинно принципиальной, деловой, требовательной критики слабостей и недостатков нашей драматургии и театров, для действительной борьбы за сочетание большевистской идейности и высокой художественности, за дальнейшее повышение мастерства наших драматургов, за создание советской драматургической классики.

Между тем, эстетствующие критики до сих пор кое-где занимают командные посты. Удивительно ли, что плохо работала комиссия по драматургии Союза писателей, если одним из руководителей ее был критик Л. Малюгин, печально известный своей защитой эстетской и идеалистической книги Сахновского о режиссуре, а ныне выпустивший в свет эстетскую и аполитичную книгу о Хмелеве, искажающую облик великого советского актера, всячески принижающую советскую драматургию.

Критик А. Борщаговский в последнем своем докладе о новых пьесах и спектаклях весь огонь своей критики сосредоточил как раз против тех пьес, которые представляют собой наиболее плодотворное, реалистическое, партийное направление нашей драматургии. Явно неправильную позицию занял тов. Борщаговский в недавней дискуссии о драматургии в журнале «Театр», ратуя, по существу, против традиций русской классической драматургии, за разрушение драматической формы под видом борьбы за новаторство.

Печать аполитичности и беспринципности лежит на всей деятельности об'единения театральных критиков при Всероссийском театральном обществе. Эстетская критика находит прибежище на страницах журнала «Театр» и особенно в газете «Советское искусство», где, кстати, членом редколлегии по театру является все тот же Л. Малюгин.

«Каков же политический смысл,—подчеркнул в своем выступлении на пленуме генеральный секретарь ССП А. Фадеев,—всей этой, с позволения сказать, критики? Можно ли ее рассматривать, как стремление по-хозяйски сплотить и об'единить передовую советскую драматургию, что, разумеется, предполагает в числе прочего и критику ее недостатков? Нет, потому что первым актом критики должно быть определение того жизненно нового, что внес писатель своим произведением, и нападение на идейных противников, которые не любят нового и стремятся свалить напрочь советскую драматургию. А уж после того можно и нужно заняться рассмотрением ее недостатков... А наши провинциальные эстеты со своими мелкими вкусами и требованиями не находят ничего лучшего, как дискредитация всего самого передового, что имеется сейчас в драматических произведениях социалистического реализма».

Долг критики, стоящей на принципиальных партийных позициях,—решительно бороться против всяческих рецидивов эстетства и формализма, за высокий идейный и художественный уровень советской литературы.

Пленум правления Союза советских писателей явился важным этапом борьбы за торжество ленинско-сталинского принципа партийности литературы, против идейных противников, стоящих на позициях аполитичного искусства, эстетства и формализма.

За работу, товарищи писатели! Советский народ требует нового под'ема нашей многонациональной социалистической литературы. Многомиллионный читатель и зритель ждут новых замечательных произведений, в которых будет правдиво и ярко изображена жизнь советского общества, героический труд народа, руководящая и вдохновенная роль партии, борьба за мир и демократию, борьба за коммунизм. Народ ждет таких книг, пьес, фильмов, которые будут обогащать его знание жизни, помогать партии в величественной борьбе за построение коммунистического общества. Советская литература должна быть достойна народа, уверенно идущего к новым победам под водительством великого Сталина!

От участников пленума правления Союза советских писателей СССР

Товарищу СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы, советские писатели, собравшись на XII пленум правления Союза советских писателей, шлем Вам, вождю и учителю народов советской страны и всего трудящегося человечества, великому другу советской литературы, горячий привет и благодарность за отеческую заботу и внимание, которое проявляете Вы к советской литературе, к нашей творческой работе.

Многонациональная наша литература сейчас находится на под'еме. Ее успехи неразрывно связаны с великими достижениями советского народа, идущего к коммунизму, победно выполняющего послевоенный план восстановления и развития народного хозяйства.

Исторические постановления Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии по идеологическим вопросам стали для нас программой жизни и борьбы, основой новых свершений в области родной литературы. Постоянное и глубокое внимание партии к вопросам развития литературы, ее роли в коммунистическом воспитании миллионов людей вдохновляет советских писателей на создание новых высокоидейных произведений.

Партия воспитывает нас в духе высокой требовательности к своему труду, дает нам примеры подлинной взыскательности, учит нас не успокаиваться на достигнутом. XII пленум правления Союза советских писателей проходил под знаком проверки выполнения мудрых указаний Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии по идеологическим вопросам.

Мы отчетливо сознаем, что успехи советской литературы за последние два года обязывают нас еще решительнее, еще настойчивее бороться за идейную чистоту советского искусства, быть непримиримыми к враждебным теориям и направлениям, мешающим дальнейшему росту и процветанию нашей культуры.

Для нас, советских писателей, самой главной, самой почетной задачей является воспитание советского народа в духе беззаветной любви к своей социалистической Родине, к великой партии Ленина — Сталина, в духе готовности отдать все силы победе коммунизма.

Для того, чтобы литература выполнила свою почетную воспитательную роль, нам надо еще много сделать. Особенно нетерпимо отставание нашей драматургии и кинодраматургии — этих наиболее действенных и подлинно массовых видов искусства. Пленум сосредоточил внимание всех писателей на необходимости полной и глубокой реализации указаний Центрального Комитета о репертуаре драматических театров и дальнейшем развитии киноискусства. Мы знаем, что только на пути, указанном большевистской партией, советская драматургия и кинематография достигнут новых творческих побед, заслужат еще большую любовь и признание народа.

Мы заверяем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что советские писатели отдадут все свои силы, борясь за расцвет советской литературы, создание изобилия духовной культуры в нашей стране.

От всего сердца желаем Вам, наш дорогой вождь и учитель, долгих лет здоровья на счастье советского народа, на благо всего человечества!

Да здравствует партия Ленина — Сталина, великая партия большевиков!

Да здравствует наш вождь и учитель, мудрый друг советской литературы, товарищ Сталин!

XII пленум правления
Союза советских писателей СССР

XII пленум правления Союза советских писателей СССР

В творческом содружестве с театрами

Из выступления председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. Лебедева

Краеугольным камнем постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам является вопрос о партийности нашего искусства, вопрос о том, что искусство есть государственное дело, что драматурги, работники театра, создавая те или иные художественные произведения, выполняют политические функции.

Постановление ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров поставило перед работниками искусства и драматургии трудную, но почетную задачу. Однако нужно сказать, что Комитет по делам искусств, его учреждения, театры, драматурги с этой задачей еще не справились.

У нас еще очень мало полноценных пьес, — говорит П. Лебедев, — и театры часто обращаются к постановке бездумных, легковесных произведений.

В некоторых театрах эти тенденции к облегченному репертуару приводят к тому, что второсортные пьесы вытесняют произведения, наиболее ценные по своим идейным и художественным качествам. За последние 4—5 месяцев (июнь — октябрь) советские пьесы в наших театрах по количеству спектаклей занимали первое место, но если рассмотреть содержание этого репертуара, то оказывается, что лучшие пьесы занимают отнюдь не ведущее положение.

Правда, за последнее время Комитету по делам искусств удалось повернуть репертуар в нужном направлении. К 31-й годовщине Октябрьской революции почти все театры страны поставили «Московский характер» А. Софронова, «Счастье» П. Павленко, «Ветер с юга» Э. Грина, «Закон чести» А. Штейна и др. Анализируя репертуар 128 театров за ноябрь, мы видим, что его основу составляют такие пьесы, как «Московский характер», «Закон чести», «Губернатор провинции» бр. Тур, «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Великая сила» Б. Ромашова, «Юность отцов» Б. Горбатова, «Любовь Яровая» К. Тренева. Положение постепенно выправляется, но оно не может нас удовлетворить.

Главные причины неудовлетворительного состояния репертуара заключаются в отсутствии достаточного количества новых пьес. Ведь только московские и ленинградские театры должны получить от драматургов на новый театральный сезон свыше 60 пьес, а написаны только 23 пьесы. Правда, нам обещают дать новые пьесы К. Симонов, А. Корнейчук, В. Кожевников, А. Софронов, Вс. Вишневский, Б. Лавренев, Б. Ромашов, А. Первенцев, но пока их нет очень трудно утвердить репертуарный план театров. За последние годы творческая активность большинства драматургов резко снизилась, и мы призываем пленум Союза советских писателей помочь нам, чтобы активно работали и Л. Леонов, и К. Симонов, и Вс. Вишневский, и Б. Лавренев, и А. Крон, и другие писатели, создавшие советский репертуар.

Наши театры выдвинули большую плеяду молодых, талантливых актеров. Малый театр, МХАТ, театр имени Вахтангова и другие театры могут гордиться новыми именами актерской молодежи. Эта актерская молодежь ждет новых пьес.

В том, что хороших пьес еще очень мало, значительная вина театров. Вся история русского театра говорит о содружестве театра и драматурга, и мы не можем забывать эти традиции.

Далее П. Лебедев говорит о недостатках нашей драматургии, об идейных ошибках отдельных пьес. У некоторых драматургов отсутствует главное — чувство нового, партийность в понимании и изображении жизни советского человека. Они часто оперируют образами, характерами, которые, может быть, воспринимались советским зрителем лет двадцать тому назад благожелательно, но сейчас не укладываются в наши понятия и не отвечают требованиям современного искусства. Еще до сих пор многие драматурги стремятся изобразить черный ход жизни, интересуются людьми с «раздвоенной душой», психологическими вывертами и делают это со смаком, с любовью, так что отрицательные персонажи часто бывают интереснее, чем положительные. Как раз на это обращал внимание Центральный Комитет партии, указывая, что в ряде пьес советские драматурги показывали отрицательные персонажи ярче, чем положительные.

П. Лебедев резко критикует пьесу Вл. Соловьева «Совесть» и пьесу Н. Погодина «Бархатный сезон».

Анализируя состояние современной критики, П. Лебедев подчеркивает, что до сих пор в критике живут и действуют противники реалистического искусства, с умилением вспоминающие о формалистических ухищрениях в театральном искусстве. Поэтому они так много говорят о недостатках нашего театра и замалчивают его серьезные политические победы. Резкого осуждения заслуживают журнал «Театр» и газета «Советское искусство», которые не выполняют постановления партии, часто дезориентируют наше искусство.

Пленум Союза советских писателей, — заключает П. Лебедев,—должен наметить пути для устранения недостатков в нашей драматургии и театре и помочь советскому театральному искусству добиться дальнейших успехов.

Повышать идейность, совершенствовать мастерство

Из выступления Б. Ромашова

Прежде всего следует расстаться с неверным представлением о том, что драматургия — дело лишь небольшого отряда профессиональных драматургов. Драматическая литература есть дело всей советской литературы, поэтому привлечение к драматургии писателей всех жанров является самой насущной задачей.

Нужно сказать, что наши театры, за редким исключением, занимают в этом вопросе пассивную позицию, совершенно не соответствующую той активной, организующей роли, которую они призваны играть в создании новых драматических произведений.

Какие же причины тормозят развитие нашей драматургии?

По-моему, одной из главных причин является отсутствие у некоторых драматургов, критиков, театральных работников идейной ясности.

Это отсутствие идейной ясности и привело нашу критику к непониманию высоких партийных задач советской драматургии. Нам, драматургам, прошедшим длинный путь, не привыкать к тому, что эстетствующая формалистическая критика под маской «стремления к подлинному новаторству» набрасывается на пьесы, которые выражают передовые идеи, отвечают духовным запросам народа. По молодых художников эта гурманская критика дезориентирует в идеологических вопросах.

Так было с дискуссией о книге В. Сахновского «Мысли о режиссуре», представляющей собой своеобразный катехизис эстетства. Апологетика этой книги, ошибки которой были взяты под защиту Л. Малюгиным на страницах «Советского искусства», оказала пагубное воздействие на театральную молодежь.

Нашими критиками, — говорит Б. Ромашов, — пьесы иностранных авторов превозносятся за «мастерство», а советские пьесы часто замалчиваются. Критики порой расхваливают слабые, безидейные пьесы, не замечают крупных, партийных произведений. Так, например, А. Борщаговский выступил в журнале «Знамя» со статьей о пьесах и спектаклях 1947 года и просто не упомянул о спектаклях, которые имели большое общественное значение, были удостоены Сталинских премий.

Касаясь вопроса воспитания молодых драматургов, Б. Ромашов отмечает, что нашей молодежи приходится пользоваться устаревшими, схоластическими трудами по теории драмы. Он подробно анализирует книгу В. Волькенштейна «Драматургия».

— Молодой драматург,—говорит Б. Ромашов, — открывает эту книгу и читает следующую формулировку в главе «Повторные комплексы драматических положений»: «Установив систему драматургических понятий, мы перейдем к морфологическому закону драматургии — закону образования разного типа драматических конструкций». Он узнает, что «конструкция выражает идейное задание произведения», и в разделе, где разбирается «Бесприданница» Островского, доходит до следующей кабалистики:

«Обозначим: стремление Ларисы к покою — А; ее стремление к любви, к Паратову — ее единое действие — 0; игру Паратова ее любовью — К; охоту Кнурова и Вожеватова за Ларисой — К1; самолюбивые потуги Карандышева — К2. Мы получим следующую схему: первое действие — К1К2А (К) ОК; второе действие—К1К2АКО; третье действие—К2 АКО(К2); четвертое действие — ОК К1АК2».

Бедный молодой читатель даже и не подозревал, что «схема комплексов» в «Ревизоре», в первом акте — 01КОК, во втором, где «Хлестаков в номере куражится, задает тон. Городничий залучает его к себе»—ОК, в третьем — опять ОК и, наконец, в четвертом, который, по мнению автора, разбит на целый ряд «поединков между мнимым ревизором и чиновниками», и где «внезапный от'езд освобождает Хлестакова от гостеприимства городничего», схема комплексов получает наиболее выразительную формулировку: ОКОКО!

Ясно, что подобные «теоретические» труды не принесут пользы писателям!

— Я согласен с тем, — говорит Б. Ромашов, — что в нас, драматургах, главная причина, тормозящая развитие драматического искусства. Мы еще слишком мало знаем жизнь страны и ее замечательных героев, недостаточно совершенствуем свое мастерство, а ведь драматургия больших идей требует большого мастерства.

Мы еще не выполнили постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров. Но можно не сомневаться, что, следуя по пути, указанному нам партией, мы решим те огромные исторические задачи, которые стоят перед советской драматургией на подступах к коммунизму!

Торжественное заседание памяти Адама Мицкевича

23 декабря в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения великого польского поэта Адама Мицкевича, организованное Союзом советских писателей СССР, Славянским комитетом СССР и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей.

Писатели и поэты, деятели искусства и науки, стахановцы московских предприятий, генералы и офицеры Советской Армии, представители общественности собрались в зале на вечер памяти гениального польского поэта. Здесь также присутствует большая группа студентов и аспирантов стран народной демократии, обучающихся сейчас в высших учебных заведениях Москвы. В дипломатической ложе — главы посольств и миссий стран народной демократии в СССР.

В глубине сцены — большой портрет Адама Мицкевича, обрамленный польскими национальными флагами. На темном фоне бархата белеют цифры: 1798—1948.

В президиуме заседания — генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. Фадеев, проф. Ф. Головченко, заместитель министра иностранных дел СССР В. Зорин, писатели А. Софронов, Н. Тихонов, В. Вишневский, В. Катаев, А. Твардовский, П. Антокольский, С. Михалков, С. Щипачев, народный художник СССР А. Герасимов, народный артист СССР Ю. Завадский, академик С. Струмилин, болгарские писатели Людмил Стоянов, Крум Кюлявков и Мария Грубешлиева, чрезвычайный и полномочный посол Польской республики г-н М. Нашковский, члены Славянского комитета СССР, правления ВОКС и другие.

Торжественное заседание открывает тов. А. Фадеев. Он говорит:

— В этот примечательный день 150-летия со дня рождения мирового гения, национальной гордости польского народа Адама Мицкевича, разрешите мне передать братскому народу Польши и ее интеллигенции, деятелям литературы, науки, искусства, строящим новую демократическую Польшу, горячий привет. Пусть торжества, связанные с этим великим человеком, послужат делу дальнейшего укрепления братских связей между советским и польским народами в совместной борьбе за мир, прогресс и демократию.

Звучат гимны Польской республики и Советского Союза.

Затем слово для доклада «Великий польский поэт Адам Мицкевич» предоставляется писателю Н. Тихонову. Он охарактеризовал великого польского поэта, как неукротимого революционного демократа, народного певца, стоящего не только в первом ряду поэтов братской Польши, но и в первом ряду гениев мировой литературы.

Докладчик особенно подчеркивает огромную роль, которую сыграл Мицкевич в укреплении дружбы между польским и русским народами.

Выступивший с речью чрезвычайный и полномочный посол Польской республики в СССР г-н М. Нашковский сказал:

— Это юбилейное торжество является символом плодотворного культурного сотрудничества обеих наших стран, особенно важного для нашего народа, вступившего на путь народной демократии. Польский рабочий класс, ведущий под руководством созданной несколько дней назад Польской об'единенной рабочей партии весь польский народ к лучшему будущему — социализму, преемствует многовековую сокровищницу национальной культуры, в которой неугасимо горит имя Мицкевича. Сбылись мечты Мицкевича, которые он поверял Пушкину,—постоянно укрепляется дружба между польским и русским народами.

Г-н М. Нашковский провозглашает здравицу в честь вечной польско-советской дружбы, в честь великого друга польского народа и всех свободолюбивых народов — Генералиссимуса И. В. Сталина.

Снова звучат гимны Польской республики и Советского Союза.

После заседания состоялся концерт, в котором приняли участие лучшие артистические силы столицы, а также польский певец Ежи Гарда.

Декада латышской литературы

В Москве, в Центральном доме литераторов, 22 декабря открылась декада латышской литературы.

Вечер открыл А. Фадеев, который сердечно приветствовал гостей от имени правления Союза советских писателей СССР.

С докладом выступил Вилис Лацис. Он осветил историю развития латышской литературы и изложил основные проблемы, стоящие перед писателями Советской Латвии.

Поэты А. Сурков, С. Маршак, П. Антокольский, В. Державин, П. Железнов, И. Сельвинский, В. Тушнова и другие прочли свои переводы латышских поэтов.

С чтением отдельных произведений Я. Райниса, А. Упита, А. Саксе, Я. Судрабкална и других на русском языке выступили народная артистка РСФСР Н. Мансурова, народный артист РСФСР М. Яншин, заслуженный артист РСФСР В. Аксенов и артисты Н. Першин и В. Попова.

Состоялся большой концерт, в котором приняли участие народная артистка Латвийской ССР Э. Пакуль, заслуженный артист РСФСР М. Александрович, заслуженные артисты Латвийской ССР А. Вилюманис, А. Дашков, А. Лудинь и государственный хор Латвийской ССР под управлением заслуженного деятеля искусств Я. Озолиня.

На открытии декады присутствовали многочисленные гости — писатели братских литератур народов СССР, партийные, советские работники и деятели культуры Латвийской республики.

Участники вечера ознакомились с выставкой латышской литературы и живописи.

Вечера латышских писателей состоялись также в Военно-политической академии им. Ленина и во Дворце культуры завода им. Горбунова.

Советская кинодраматургия после Постановления ЦК ВКП(б) „О кинофильме „Большая жизнь“

Доклад заместителя министра кинематографии СССР В. Щербины

Вопрос о кинодраматургии впервые ставится на обсуждение правления Союза советских писателей. Это очень своевременно и важно, так как сегодняшнее состояние сценарного дела выдвигает ряд жизненно насущных проблем.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства дали нашему кино боевую творческую программу, наметили ясную перспективу его дальнейшего развития. В постановлении о фильме «Большая жизнь» указаны коренные недостатки нашей кинодраматургии — плохое знание сценаристами великих дел и высоких духовных качеств советских людей, неумение по-настоящему отобразить их в произведениях искусства.

Партия призвала работников литературы и искусства к всестороннему и углубленному изучению действительности, правдивому ее изображению, направила кино на путь высокой идейности и художественного мастерства.

Два года, прошедшие после постановления о кинофильме «Большая жизнь», были временем напряженной творческой работы. Советское кино добилось известных успехов. Указания партии определили значительный поворот советской кинодраматургии к основным явлениям и вопросам политической жизни. Создан ряд значительных произведений кинематографии, в числе которых — «Русский вопрос», «Третий удар», «Сельская учительница», «Сказание о земле Сибирской», «Навои», «Далекая невеста», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Мичурин».

О достижениях советского киноискусства убедительно свидетельствуют триумфальные победы наших фильмов на международных фестивалях во Франции, Италии, Чехословакии, тот интерес и любовь, которые они завоевали у народов всего мира.

В достижениях советского кино не малую роль сыграл труд наших сценаристов. Опыт создания выдающихся фильмов после решения ЦК ВКП(б) особенно убедительно показывает, что успешное движение киноискусства вперед немыслимо без идейно-художественного под'ема кинодраматургии.

Велика заслуга кинодраматургии, создавшей крупные художественно-документальные произведения о Великой Отечественной войне, о сталинской стратегии, о героизме, высокой морали и патриотизме советских людей. Речь идет о таких сценариях, как «Третий удар» А. Первенцева, «Сталинградская битва» Н. Вирты, «Падение Берлина» П. Павленко и М. Чиаурели.

Современная американская кинематография не смеет и помышлять о произведениях такого творческого масштаба, как «Падение Берлина» или «Сталинградская битва». Приоритет целостного художественного воссоздания великих событий по праву принадлежит советскому киноискусству — искусству жизненной правды и передовой мысли.

Слияние фактов истории с художественным воплощением обобщенных образов народа придает этим произведениям огромную поэтическую и познавательную силу.

Фильмы «Третий удар» и «Сталинградская битва» вызвали кое у кого опасение, что обилие батальных эпизодов сделает последующие сценарии слишком похожими друг на друга. Но писатели находят новые изобразительные пути. В «Падении Берлина» дано уже новое художественное решение исторической темы: драматизм фильма скрепляется не только хронологической последовательностью событий, но и судьбами героев, через которых мы видим судьбу народа, судьбу человечества. П. Павленко и М. Чиаурели последовательно продолжают начатое ими в «Клятве» изображение человека в связи с великими историческими событиями.

Особое значение названных сценариев в том, что в них с большой полнотой показан образ товарища Сталина, вождя партии и величайшего полководца.

В актив нашей кинодраматургии следует вписать многие произведения биографического жанра, имеющие большое идейно-воспитательное и познавательное значение. Писатели дали кинематографии такие сценарии, как «Пирогов» (Ю. Германа), «Глинка» (Л. Арнштама), «Александр Матросов» (Г. Мдивани), «Академик Иван Павлов» (М. Папавы), «Мичурин» (А. Довженко) и другие.

Следует отметить, что писатели не сразу поняли во всей глубине свои задачи в этом жанре. Решающее воздействие в данном случае оказала партийная критика первого варианта сценария и фильма «Мичурин». Она четко определила генеральный путь развития советского биографического фильма, его своеобразие, его лучшие черты, резко отличающие его от буржуазного зарубежного биографического фильма. Если зарубежное кино рисует, главным образом, частную жизнь великих людей, различные анекдоты, принижающие и искажающие облик исторического деятеля, а иногда и прямо фальсифицирующие смысл его деятельности, советский биографический сценарий прежде всего изображает жизненное дело, которое возвеличило героя в глазах человечества.

Ошибка А. Довженко в первом варианте сценария «Мичурин» состояла в том, что он не осознал до конца глубочайшего содержания деятельности Мичурина — гениального преобразователя природы. В фильме больше была показана личная судьба Мичурина, чем его деятельность.

А. Довженко во время дискуссии по вопросам биологии особенно ясно понял, насколько был далек его первый образ Мичурина от подлинного. Драматург осознал, что совершил крупную ошибку, и с мужеством настоящего художника взялся за коренную переработку сценария и картины. Ему удалось создать совершенно новый, исторически правдивый фильм.

Многие историко-биографические сценарии провалились за последнее время потому, что авторы их отходили от правды социалистического реализма, забывали о главных идейно-эстетических принципах. Они нагромождали в фильмах множество развлекательных привесков, «экзотических» деталей, которые, вместо того, чтобы обострять действие, в сущности уводят его в сторону, мельчат происходящее и обнаруживают у автора отсутствие веры во впечатляющую правду жизни.

Грешит ненужными развлекательными привесками даже такой квалифицированный сценарий, как «Пирогов» Ю. Германа. Подобные недостатки присущи и сценарию А. Гранберга о Жуковском, первому варианту сценария Ф. Рокпелниса и В. Крепса о Я. Райнисе. В этих сценариях еще сказываются традиции старой аристократической драмы, где «аристократы духа» — вверху, а народ — где-то внизу. Авторов создаваемых биографических фильмов следует предупредить и о необходимости поисков новых художественных средств, так как уже наблюдается повторение одних и тех же схем.

Третью значительную группу в сценарной литературе последнего времени занимают произведения, написанные по известным пьесам и романам. В числе их: «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» по книге Б. Полевого, «За тех, кто в море!» по пьесе Б. Лавренева, «Мистер Томсон бежит в Америку» по роману Т. Семушкина «Алитет уходит в горы», «Великая сила» по одноименной пьесе Б. Ромашова.

К сожалению, пока еще наименее весомую группу составляют сценарии о нашей современности. Среди них выделяются по своей идейно-художественной значимости «Сельская учительница» М. Смирновой. Следует также отметить, как положительные явления кинодраматургии, «Сказание о земле Сибирской» Е. Помещикова и Н. Рожкова, «Суд чести» А. Штейна и другие.

Положение на этом участке кинодраматургии наглядно свидетельствует, что, несмотря на известные успехи, кино еще отстает от запросов советского народа и задач, которые ставит партия перед киноискусством.

Обращает на себя внимание малый удельный вес и невысокие идейно-художественные достоинства сценариев о тружениках наших заводов и колхозов, о человеке — строителе коммунизма, герое послевоенной сталинской пятилетки.

Вызывает особую тревогу появление таких бесцветных в художественном отношении, идейно-ошибочных или пустых фильмов, как «Поезд идет на Восток» (сценарий Л. Малюгина), «Солистка балета» (сценарий А. Эрлиха), «Новый дом» (сценарий Е. Помещикова).

Кинодраматургия не выполнила еще по-настоящему постановление ЦК ВКП(б) о фильме «Большая жизнь». Она все еще следует за событиями, но не идет наравне с ними или впереди них.

Кинодраматурги делают серьезные усилия, чтобы исправить положение, но результатами этой работы удовлетвориться пока нельзя. И поскольку проза сейчас заняла ведущее место в освещении основной темы современности, то это, естественно, вызывает тяготение к экранизации лучших произведений прозы, посвященных, главным образом, послевоенной жизни. Я имею в виду «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Весну в Сакене» Г. Гулиа, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Счастье» П. Павленко.

Создание сценариев по лучшим литературным произведениям вполне закономерно и плодотворно. Однако полноценная кинодраматургия может вырасти только на путях создания оригинальных произведений для кино. В этом отношении советская кинодраматургия развивается другими путями, нежели американская, девяносто процентов сценариев которой построено на использовании готовых произведений театра и литературы. Несомненно, что это обусловлено бедностью духовной культуры буржуазной Америки, нам же нужно изобилие духовной культуры.

Следует напомнить, что советское киноискусство достигло больших высот, основываясь на сценариях, оригинально и самостоятельно разрабатывающих главные темы современности, таких, как «Встречный», «Трилогия о Максиме», «Великий гражданин», «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Учитель», «Член правительства», «Трактористы», «Клятва».

Знание жизни, высокая идейность определяют успех лучших произведений кинодраматургии.

Неясность идейного замысла всегда приводит к неудаче. В таких случаях не поможет ни актуальность темы, ни тщательное соблюдение внешнего правдоподобия. Показателен в этом отношении сценарий Л. Аграновича «68-я параллель», рассказывающий об освоении советскими людьми Дальнего Севера. Автор был на Севере и длительно изучал материал. Но пристрастие к старым, привычным конфликтам увело его с верного пути, сделало ошибочной идейную концепцию сценария. В центре его произведения — конфликт между инертным коллективом рабочих и инженеров новостройки и инициативным начальником строительства. Простые люди — инженеры, рабочие — изображены послушными, бездумными исполнителями, а начальник вырастает в какого-то избранного, противопоставленного народу героя.

В других случаях слабое воплощение даже верно намеченного конфликта лишает героев жизненной убедительности, делает из них служебно-тезисные фигуры, послушные рупоры известных истин. Таковы, например, секретари райкомов партии в наших колхозных сценариях. Они будто сделаны по одной мерке. Если вы переместите секретаря райкома из интересного по замыслу сценария Э. Бурановой «Драгоценные зерна» в сценарий А. Сурова «Рассвет», то ничего не изменится. Авторы указанных сценариев вместо борцов нарисовали резонеров. На самом деле наши партийные работники не таковы! Они прежде всего деятели.

Неумение найти жизненно правдивый конфликт ведет к драматургической бесформенности многих сценариев. О существенном значении сюжета в кино говорится в постановлении ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь». Отличительная черта советского сценария — это широта действия во времени и пространстве, стремление рисовать историю героев в неразрывной связи с историей страны. Однако под флагом стремления к широкой эпичности наблюдается в ряде сценариев пренебрежение к драматургическому сюжету. В итоге мы получаем скучные сценарии.

Наша кинодраматургия должна быть воинствующей, обязана активно участвовать в борьбе против империализма.

Как известно, американские реакционные дельцы отводят кино огромную роль в идеологической борьбе. Поэтому неслучайно в качестве идеологических руководителей Голливуда поставлены такие крупные дельцы Уолл-стрита, как Эрик Джонстон и Бирнс, бывший государственный секретарь США.

Голливудские киностудии в спешном порядке состряпали пресловутый «Железный занавес» и еще ряд фальшивых, провокационных фильмов против нашей страны и стран новой демократии. Задача советской кинематографии состоит не только в том, чтобы отвечать ударом на удар против всей этой гнусной киноклеветы и нападок на нашу культуру, на социализм, на народную демократию, но и смело бичевать и разоблачать происки империалистического лагеря поджигателей новой войны. Нужно больше ярких и правдивых сценариев о преимуществах социалистического строя над капиталистическим.

Вслед за «Русским вопросом» М. Ромма по пьесе К. Симонова, «Встречей на Эльбе» братьев Тур и «У них есть родина» С. Михалкова советское кино получит сценарии: «Секретная миссия» К. Исаева и М. Маклярского, «Человек с Уолл-стрита» В. Катаева и М. Калатозова, «Меченый доллар» Е. Габриловича, «Конец недели» А. Спешнева и В. Собко, «Поджигатели войны» Л. Арнштама, «Мы защищаем мир» Ф. Эрмлера, М. Блеймана и Н. Коварского.

Совет Министров СССР в постановлении «О плане производства художественных, документальных и видовых фильмов на 1948 год» указал, что в Министерстве кинематографии СССР существовала неправильная установка на выпуск большого количества кинофильмов в ущерб их качеству, в результате чего идейный и художественный уровень многих кинокартин не отвечал возросшим требованиям советских зрителей.

Правительство потребовало решительного повышения идейно-художественных качеств выпускаемых кинокартин за счет уменьшения их количества. Планы производства фильмов на 1948 и 1949 годы ориентированы на осуществление наиболее значительных и актуальных тем.

Огромное значение постановления Совета Министров СССР состоит в том, что оно требует, прежде всего, высокого киноискусства, ясно ориентирует советскую кинематографию на традиции, из которых выросли лучшие произведения советской литературы и искусства.

Мы должны усилить борьбу с беспринципными ремесленниками от сценарного дела, которые тащат в нашу кинодраматургию чуждые нам буржуазные принципы, навыки, взгляды.

Наша теория кинодраматургии страдает крупнейшими недостатками. Вышедшие за последние годы сборники «Гриффит» и «Чаплин», по сути, являются апологией реакционно-формалистических принципов американского кино. Авторы сборников доходят до того, что творческую родословную советского киноискусства ведут от американской кинематографии, воспевают Гриффита, как «отца мирового кино». Не ученичество у Гриффита, а новаторский характер советской жизни породил новаторское советское киноискусство.

Многие серьезные идейные ошибки наших режиссеров и сценаристов об'ясняются этим совершенно недопустимым отставанием теории и критики кинодраматургии. В области теории киноискусства необходим решительный поворот; разработку основных проблем марксистско-ленинской теории кино следует начать с партийной критики формалистических теорий и предрассудков, имеющих еще хождение в среде киноработников. Сейчас в области кинодраматургии самой первостепенной задачей является разоблачение теорий буржуазного американского кино.

Огромный вред развитию кинодраматургии принесла теория так называемой специфики кино. Эта теория не имеет ничего общего с изучением действительных законов киноискусства, со стремлением к высокому профессионально-художественному мастерству. Она происходит прежде всего из чуждых формалистических источников, продиктована стремлением ремесленнической группы литераторов сохранить свое монопольное положение в кино. Практически же «специфика кино» превращалась в некую каменную стену, ограждающую законы создания сценария от закономерностей развития всей советской литературы от теории социалистического реализма. Под прикрытием особой специфичности кино расцветали самые формалистические и суб'ективно-индивидуалистические, эпигонские взгляды на искусство.

Перед нами стоит задача усиления борьбы с формализмом. Это — каждодневная борьба со стандартом и шаблоном, с устаревшими схемами в искусстве, со стремлением рисовать действительность, исходя не из богатства реальной жизни, а только на основе своего бедного воображения и какой-то сценарной алхимии, вечных приемов, с помощью которых можно якобы заинтриговать зрителя.

Вряд ли сейчас кто-либо будет оспаривать тот факт, что сценарий является родом литературы. Сценарий, так же как и пьеса, имеет не только зрителя, но уже приобретает и читателя. Сценарий не только печатается отдельным изданием, он начал появляться в толстых журналах наряду с прозой, поэзией и драмой. Однако этот процесс признания сценария, как самостоятельного идейно-художественного явления, проходит не совсем гладко. На практике сценарий в ряде случаев попрежнему в среде киноработников рассматривается как полуфабрикат, приобретающий эстетическую ценность лишь после воплощения его в фильм.

Отсутствие широкой общественной оценки труда сценаристов поощряло безответственное отношение и многих литераторов к работе для кино, поощряло взгляд на него, как на «отхожий промысел», далекий от больших художественных задач.

Чрезвычайно острым и важным является вопрос о методе экранизации литературных произведений.

В популяризации литературы кино — необычайно мощное и в то же время обоюдоострое оружие: его заслуги неоценимы, когда оно находит верный творческий ключ к духу и содержанию романа, повести или пьесы. Есть много случаев, когда в кино произведения литературы как бы рождаются заново, находят вторую жизнь. И наоборот, в случае плохой экранизации небрежная работа сценариста и режиссера становится большим злом, ибо оставляет в сознании десятков миллионов зрителей фальшивые, обедненные образы.

Советские драматурги и режиссеры стремятся к тому, чтобы передать на экране идею произведения, его поэтическую сущность, его образы.

Но было бы ошибочно думать, что механическое перенесение на экран романа или пьесы может уберечь от искажений.

Критика первого варианта фильма «Молодая гвардия» и фильма «Свет над Россией» Н. Погодина убедительно раскрыла пагубность игнорирования законов правды на сцене и на экране.

Наиболее удачными оказались те экранизации, авторы которых, сообразуясь с законами кино, создавали как бы новое самостоятельное произведение. Классическим примером является в этом смысле сценарий «Чапаев», удачны сценарии «За тех, кто в море!», «Русский вопрос», «Жизнь в цитадели», «Повесть о настоящем человеке», «Звезда».

Кинематограф, обращаясь к произведению литературы, способен воспроизвести все богатство его содержания, но своими средствами — в слове, зримых образах, движении, звуке, живописи. Теряя в кино многое из своих элементов, произведение писателя приобретает взамен этого новое, нечто большее, чем может дать сама литература. Между тем многие авторы заблуждаются, думая, что уважение к нему проявляется тем, чтобы сценарист дал всего лишь сокращенную копию его романа или повести.

Серьезного подкрепления требует фронт кинокомедии. Лучшие наши фильмы, такие, как «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Сказание о земле Сибирской», «Далекая невеста», — жизненны, темы и образы их связаны с трудом советских людей. Комедии же, в которых авторы выводят выдуманные персонажи, плоские конфликты и ситуации, идущие от зарубежного кино, неизбежно терпят крах.

Современное буржуазное искусство стоит перед фактом полного вырождения комедии ввиду «вымывания» из нее реальных признаков жизни, а, следовательно, и признаков подлинного искусства. Наша кинокомедия развивается совершенно в ином направлении. Советская кинокомедия должна быть содержательной, основываться на правдивом, жизненном конфликте, уметь живо и ярко утвердить победу социалистического начала над пережитками капитализма в сознании людей. Это комедия жизнеутверждающая, насыщенная музыкой, праздничной красочностью, остротой народного юмора. В этом — путь к дальнейшему расцвету нашей комедии.

В заключение я хочу остановиться на некоторых организационных вопросах.

В последние два года писатель стал ближе к кино, нежели раньше, и несколько улучшились отношения авторов с киноорганизациями. Полностью оправдали себя совместная работа авторов с режиссером и включение автора сценария на все время постановки в штат с'емочной группы. У фильма два автора — сценарист и режиссер. И они должны быть творчески связанными и понимать друг друга с самого начала создания сценария.

Уже есть положительные примеры такого творческого содружества: П. Павленко — М. Чиаурели; А. Первенцев — И. Савченко; Ф. Эрмлер — М. Блейман; Г. Козинцев — Ю. Герман и другие.

Интересы развития кинодраматургии требуют более тесного контакта киноорганизаций с Союзом писателей. Нельзя забывать, что члены Союза писателей ведут огромную работу не только по художественному фильму, но и в кинохронике и научно-популярном кино.

Советское кино занимает ответственнейшее место в коммунистическом воспитании миллионов людей. Ленин и Сталин дали классическое определение воспитательного значения кино, охарактеризовав его, как самое массовое из искусств. Товарищ Сталин указывал: «Кино в руках Советской власти представляет огромную, неоценимую силу». Глубокое осознание этой великой роли киноискусства поможет работникам кинодраматургии с честью справиться с теми задачами, которые поставлены перед киноискусством и всей литературой народом, партией, государством и великим Сталиным.

Печатается по сокращенной стенограмме.

ЗА ИДЕЙНУЮ БОЕВУЮ ДРАМАТУРГИЮ

Прения по докладу секретаря правления ССП СССР А. Софронова

17 и 18 декабря пленум обсуждал доклад секретаря правления ССП СССР А. Софронова «Советская драматургия после постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

Л. Шаповалов, директор Государственного академического Малого театра, отметил, что после решения Центрального Комитета партии появились интересные, острые, партийные пьесы, посвященные коренным вопросам советской действительности. Однако полноценных пьес на современную тему явно недостаточно. В этом, в первую очередь, повинны сами драматурги. Многие писатели, вошедшие в историю советского театра с яркими и значительными произведениями, сейчас пьес не пишут. Молчат Л. Леонов, В. Катаев, Вс. Вишневский, Б. Чирсков и другие.

— Театральная критика, — говорит Л. Шаповалов, — продолжает руководствоваться в своих оценках интересами групповыми, приятельскими.

Л. Сейфуллина подчеркивает, что писатели несут серьезную ответственность за неблагополучное положение в репертуаре театров. Существенным пробелом в драматургии она считает недостаточное освещение темы советской интеллигенции.

Говоря о состоянии театральной критики, **В. Залесский** отмечает, что подготовка молодого поколения критиков в Государственном институте театрального искусства ведется на основах эстетских, формалистических, аполитичных. Учебники и курсы по истории театра содержат грубые ошибки, не свободны от влияния космополитических теорий.

С. Михалков обращает внимание на то, что критика не занимается проблемами драматургии для детей, изредка ограничиваясь лишь рецензиями на спектакли детских театров. **Л. Ошанин** говорит о неудовлетворительном состоянии драматургии для музыкальных театров.

А. Араксман (Армения) указывает, что среди некоторых работников искусств республики существует вредный взгляд на драматургию, как на «ненастоящую» художественную литературу. ССП Армении не боролся за создание настоящих драматических произведений, драматургия считалась делом «другого ведомства» — Управления по делам искусств.

К. Крапива (Белоруссия) отмечает, что в белорусскую литературу пришли молодые драматурги, которые принесли с собой новое ощущение жизни, новых героев. Но им, так же как и многим старым драматургам, нехватает настоящего мастерства, большинство пьес, написанных за этот период, весьма посредственно по своим художественным качествам.

Анализируя состояние современной драматургии Азербайджана, **С. Вургун** подробно рассказывает о лучших произведениях азербайджанской драматургической литературы. Из пьес, созданных за последнее время, он называет «Весенние ручьи» И. Эфендиева, где описывается борьба колхозников за высокий урожай, пьесу М. Гусейна «Братья», посвященную нефтяникам Азербайджана, пьесу Э. Мамедханлы «Утро Востока».

С. Вургун подчеркивает, что писатель должен активнее вторгаться в жизнь, — только тогда увидит он многие яркие факты, события, конфликты нового со старым, достойные отображения в драматическом произведении.

О. Леонидов отметил, что комиссия по драматургии ССП не оказывала творческой помощи драматургам братских народов, не следила за развитием национальной драматургии, не знает ее произведений.

* * *

В ходе обсуждения доклада А. Софронова, особенно в глубоко принципиальном выступлении А. Фадеева, ясно определилось наиболее плодотворное, партийное, идейное направление в нашей драматургии и были выявлены ее идейные противники, стоящие на позициях аполитичного искусства, на позициях эстетства и формализма. Эти критики направляли свой огонь не против действительно вредных, порочных произведений, а против новых, передовых явлений в нашей драматургии. Под видом эстетической критики делались попытки ниспровергнуть лучшие современные пьесы.

В своем докладе А. Софронов подверг резкой критике аполитичную эстетскую позицию Л. Малюгина. А. Первенцев также говорил о порочной концепции Л. Малюгина.

Вместо того, чтобы признать свои ошибки, **Л. Малюгин** в демагогическом выступлении на пленуме стремился во что бы то ни стало принизить достоинства советской драматургии, утверждая, что воспитательная роль лучших, наиболее идейных ее произведений незначительна.

Л. Малюгин тщетно пытался оправдать свои нападки на лучшие современные пьесы «заботой» о качестве драматической литературы. Однако, эти уловки никого не могли ввести в заблуждение, ибо известно, что Л. Малюгин и другие эстетствующие обыватели под видом критики художественных недостатков опорочивали то новое в жизни, что несет с собой передовая драматургия.

А. Борщаговский уклонился от партийного, самокритического анализа своей неверной, эстетской позиции в оценке ряда лучших советских пьес.

Путаное, невразумительное выступление **Ю. Юзовского** свидетельствовало о наличии у него эстетски-аполитичных взглядов, о его неумении подходить к явлениям нашей драматургии с точки зрения живой действительности.

Разоблачение формалистско-эстетских влияний в критике, тормозящих дальнейшее развитие драматургии, явилось основой многих выступлений.

П. Лебедев, А. Корнейчук, Б. Ромашов, А. Первенцев подчеркивают наличие в нашей критике противников реалистического искусства и призывают к решительной борьбе с ними.

— Мы собрались здесь на пленуме, — говорит **А. Корнейчук**, — чтобы найти кратчайший путь к новым творческим победам, устранить то, что нам мешает итти быстрее, в ногу со временем.

Надо искренне и честно сказать, что в современном состоянии репертуара виноваты прежде всего мы сами — драматурги. Во время войны мы работали лучше, с большим темпераментом, с большей страстностью, — наши пьесы были признаны народом. Сейчас мы работаем медленнее, страстности стало меньше.

Не нужно бояться повторять, что следует учиться у жизни. У жизни действительно нужно учиться, но учиться не просто, а быть политиком, ощущать те центральные проблемы, которые стоят перед народом.

Нам нужно поддерживать ту литературу, которая старается показать простого человека, человека труда. Надо писать о людях, строящих коммунизм.

Подчас, выводя отрицательные персонажи, мы сначала критикуем их, а к финалу пьесы примиряемся и сажаем их за общий стол, хотя не показываем, что они перестроились, стали другими. Этого допускать нельзя.

В том, что мы полностью еще не ответили на требования, пред'явленные нам партией, конечно, виновата и критика. Где те полные страсти статьи, которые взволновали бы нас, помогли, вдохновили на новые дерзания в искусстве? Мы говорили об иллюстративности драматургии, но еще в большей степени иллюстративна наша критика: она часто ограничивается пересказом содержания пьес. А ведь критика должна ставить перед нами, писателями, большие проблемы, звать нас к вершинам!

— До каких пор будет продолжаться кисло-сладкое, пренебрежительное отношение эстетствующих гурманов к нашей драматической литературе, — говорит **А. Первенцев**. — Долго ли они будут подтачивать своими мышиными зубками здание советской драматургии? Только возмущение может вызвать тот факт, что такие пьесы, как «Великая сила», «Хлеб наш насущный», «В одном городе», подвергаются обстрелу со стороны аполитичной критики.

Далее А. Первенцев указывает, что современный репертуар еще засорен слабыми, а иногда и безидейными пьесами, которые благодаря снисходительному отношению к ним критики и неправильному подходу театров зачастую вытесняют пьесы серьезного политического звучания.

А. Первенцев критикует пьесу Л. Славина «Интервенция», считая ошибкой восстановление этого спектакля в театре им. Вахтангова.

— Однако, — заключает А. Первенцев, — было бы неверно рисовать состояние нашей драматургии мрачными красками. Постановление ЦК ВКП(б) уже повернуло драматургов в сторону современности, и, надо надеяться, что в самое ближайшее время на сценах театров мы увидим новые образцы партийной, целеустремленной и высокохудожественной драматургии.

Большинство выступлений на пленуме ССП было пронизано одной мыслью: наши писатели должны постоянно обращаться к жизни, учиться у нее, разрабатывать в своих произведениях кардинальные проблемы современности. Поэтому участники пленума осудили выступление Н. Погодина, который сказал, что эти призывы уже устарели, что не стоит предлагать подобные «рецепты» квалифицированным литераторам. Вместо того, чтобы вскрыть действительные причины, мешающие росту нашей драматургии, **Н. Погодин** занялся сетованием на общественность, осудившую ряд его ошибочных, слабых, искажающих действительность пьес. Какой же вывод сделал для себя Н. Погодин из ряда своих неудач? Об этом участники пленума так и не услышали, — драматург предпочел заявить, что он будет продолжать «поиски» в том же направлении, которое уже привело его к серьезным срывам. А между тем действительная причина неудач Н. Погодина заключается в том, что он за последнее время в своем творчестве отходит от важнейших, основных вопросов современности в сторону мелких, обывательских тем.

А. Корнейчук, П. Лебедев, Б. Ромашов, А. Фадеев подвергли резкой критике выступление Н. Погодина.

В своей развернутой речи, опубликованной в предыдущем номере «Литературной газеты», А. Фадеев разоблачил сторонников эстетствующего формализма, идейных противников советского театрального искусства.

В прениях по докладу А. Софронова также приняли участие **И. Альтман, М. Амир, А. Глебов, Ш. Дадиани, А. Крон, Г. Мусрепов, Е. Холодов, И. Чекин, Ю. Чепурин, И. Чичеров.**

Народный артист республики **В. Орлов** обратился к пленуму с письмом от коллектива МХАТ с призывом помочь Художественному театру в создании современного советского спектакля.

Декада латышской литературы

Братский привет писателям Советской Латвии!

Андрей УПИТ

Вилис ЛАЦИС И ЕГО ПРОЗА

В конце 20-х годов, будучи руководителем марксистского журнала «Мысль» («Домас»), я получил по почте рукопись небольшого рассказа под заглавием «Женщина». Простое, непретенциозное, повидимому, мало обещающее заглавие не пробудило у меня особого интереса.

Однако уже первая страница рукописи заставила насторожиться и внимательно прочитать ее до конца. В рассказе не было ничего особенно нового для нашей литературы, но и в сюжете, и в обрисовке характеров чувствовался вдумчивый самостоятельный ум, обрисовывался своеобразный облик начинающего писателя.

Оказалось, что автор рассказа — сын рабочего из портово-фабричного предместья Риги. С детства жил он среди рабочих, рыбаков и моряков, участвуя в их повседневном труде. Спасаясь от вильгельмовской оккупации, он вместе с родителями несколько лет прожил в России, в степях Западной Сибири, посещал барнаульскую школу, присматриваясь к жизни и обычаям сибиряков. Из наблюдений этих лет и вырос его первый рассказ. Молодого писателя звали Вилис Лацис.

По возвращении в родной Мильгравис Лацис три года работал в рыбацкой артели, два года—кочегаром на морских пароходах. В портах Дании и Англии, Бельгии и Франции он познакомился с сущностью так называемой западной культуры, которой так восхищалось мещанство его родины. Приглядываясь к жизни Ливерпуля и Копенгагена, В. Лацис понял, что она только по масштабу отличается от жизни его родного Мильгрависа и Риги. Здесь, как и там, процветала безжалостная эксплоатация трудящихся. Среди моряков и портовых рабочих рос дух протеста. Будущий писатель вступил в профессиональный союз портовых рабочих, стал в ряды латышского рабочего класса, боровшегося с реакцией.

В его первых произведениях еще не было ясности цели, но они привлекали внимание взволнованным юношеским протестом против капиталистического порядка и страстными поисками идеала. В книге «Новеллы и рассказы» (1946 г.) собраны произведения Вилиса Лациса за десятилетие с 1930 по 1940 год. Этот сборник — одно из интереснейших явлений в латышской литературе — раскрывает историю идейного созревания выдающегося художника. В рассказах первых двух разделов сборника («Блуждающие огни» и «Борьба с луною») автор рисует капитализм, как враждебную, но роковую силу, против которой беспомощны разум и воля человека. Но уже в третьем разделе—«Воля к жизни» — писатель нащупывает начало своего истинного пути, переходит к активной критике капиталистического строя.

Мощный талант Лациса влекло к широким повествовательным формам. Он написал несколько романов, лучший из которых «Сын рыбака» (1933 г.) создал ему широкую известность.

В этом романе В. Лацис показал себя, как зрелый художник, как певец трудящегося люда, борющегося за свое освобождение.

Писатель рисует тяжелый, полный опасностей труд рыбаков на берегу Рижского залива, показывает семейные и общественные отношения этого забытого, глухого мирка. Щупальцы столичного эксплоататора крепко держат рыбацкие хаты. Против бесчеловечной эксплоатации хозяев, а также и против безропотной пассивности рыбаков восстает герой романа—сын рыбака Оскар Клява. Конфликт с собственным отцом — первая стычка в битве Оскара с косностью окружающей его жизни. Разрастаясь, борьба принимает все более острый характер. К Оскару присоединяется лучшая часть рыбацкой молодежи. Старики в свою очередь об'единяются, чтобы отстоять «священные старые устои». Однако, новое побеждает. И хотя вся борьба в романе идет только вокруг организации рыбацкой артели, в изображении Вилиса Лациса эти события в глухом селе приобретают как бы символическое значение. Книга показывает, как капиталистическая эксплоатация порождает силы, в конце-концов сокрушающие ее, и страстно призывает к единению сил трудящихся в борьбе против старого мира. В «Сыне рыбака» впервые во всей полноте раскрылся талант Лациса, мастера увлекательной сюжетной композиции, блестящего художника слова, талантливого бытописателя.

Когда в 1940 году латышский народ во главе с рабочим классом сверг фашистскую диктатуру Ульманиса и установил в стране советскую власть, Вилис Лацис по праву становится одним из вождей революционного народа. Как только Латвия вошла в семью братских народов Советского Союза, В. Лацис был избран на пост председателя Совета Министров, который он занимает и сейчас.

Выполняя сложную и ответственную государственную работу, Вилис Лацис даже в суровые годы войны находил время для литературного труда. Великое народное горе, ненависть к вековому врагу латышей, непоколебимая уверенность в победе отразились в книге его рассказов о войне, вышедшей в 1945 году. Его драма «Невестка» (1943 г.), изображающая борьбу латышских крестьян с фашистскими насильниками и предателями своего народа, и пьеса «Победа» (1945 г.), посвященная подвигам латышских стрелков на фронте, сыграли значительную роль в становлении латышской советской драматургии.

После победы писатель приступил к осуществлению грандиозного литературного замысла, зародившегося у него в самом начале войны. Замысел этот охватывает судьбу страны и народа с кануна 1940 года и установления в Латвии советской власти до первых лет социалистического строительства на освобожденной от фашистских захватчиков земле.

«Буря» Вилиса Лациса — большой роман в трех томах—ныне закончена. Это эпопея, изображающая самое великое десятилетие в истории латышского народа, десятилетие его победоносной борьбы под руководством коммунистической партии и с помощью братских народов Советского Союза за полное торжество нового социалистического строя в Латвии. Герой эпопеи — сам народ.

Исторический роман В. Лациса — выдающееся произведение латышской советской литературы, свидетельство стремительного творческого роста самого художника в результате его активного участия в борьбе за социалистическую Латвию.

Путь В. Лациса — одного из крупнейших писателей Латвии — весьма показателен для латышских писателей старшего поколения.

Они пришли в советскую литературу, проложив себе дорогу сквозь заросли старого мира. Их связь с борющимся народом еще в годы буржуазного режима была так крепка, что подлая среда не смогла завлечь их в болото и погубить их талант. В первый же день установления в Латвии советской власти они включились в новую жизнь своего народа, вместе с ним прошли через огни Отечественной войны, вместе с ним работают и сейчас.

Наша латышская советская литература существует ровно столько же времени, сколько и наша молодая советская республика, — восемь лет. Ясно, что за этот сравнительно короткий начальный период своего развития она не успела еще вполне развернуть все свои силы, всю творческую энергию и дать своему народу, а вместе с тем и всем народам великого Советского Союза, все то, на что она, несомненно, способна.

Мы, латышские писатели, видим свое призвание, свой священный долг в создании новых произведений, воспевающих величие нашей советской Родины, дружбу советских народов, наших героических людей, нашу великую партию Ленина—Сталина.

Андрей БАЛОД

РОДИНЕ

Мою судьбу сама война не подкосила:
Я вновь стою среди полей. Я полон силы.
Горят Ивановы огни, как в древни лета,
Но озаряют нас лучи иного света.
Свети, о, Родина моя! Ты песней льешься,
Ручьями, ливнями, листвой — ты вся смеешься!
Как я горжусь твоим родным отважным ликом.
Я чувствую, что сам расту в труде великом —
И вдохновенный этот труд подобен бою...
Ты слышишь хор, могучий хор перед собою?
Вот полный радости латыш слагает оду,
Великий русский гражданин поет свободу,
Таджикистанский аромат струит газелла,
Дыханье озера плывет из уст карела,
Тут славит Грузию казах струной певучей,
А сван про Белорусь поет на горной круче:
Победой славною звенят родные звуки,
Сплелись родные голоса, сплелись, как руки!
Греми, о, Латвия моя! Ведь в этом хоре
Огромный видишь ты простор, как чайка в море.
От Балтики мои леса идут на Беринг,
По всем советским берегам идет мой берег.
Тут все мое, — и наяву мне вечно снится
Москва, Москва... Моя Москва... Моя столица.
Так славься же и процветай, Союз Народов!
Я буду счастлив, за тебя всю душу отдав...
Возьми ж и мой граненый стих в корону песен!
Я не хочу его в тиши беречь, как перстень.
Я сотни лет бы созидал, творил, трудился,
Чтоб вечно цвел и ты, и край, где я родился.

Перевел И. Сельвинский.

Арвид ГРИГУЛИС

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

Великая Отечественная война была для молодой советской латышской поэзии школой возмужания и закалки. Следуя прекрасному примеру русских советских поэтов, сделавших стихи оружием в борьбе против немецких захватчиков, наши поэты создавали произведения, которые вдохновляли народ на отпор врагу.

Потом, уже после войны, эти стихи народного поэта Я. Судрабкална, В. Лукса, Ф. Рокпелниса, М. Рудзита, А. Балода, написанные в боевой обстановке, вошли в сборники. Строки этих стихов не потеряли мобилизующего значения: воинствующий дух, пронизывающий их, продолжал вдохновлять народ и в ту пору, когда он от боев перешел к восстановлению хозяйства.

После мудрых постановлений партии по идеологическим вопросам началась новая пора в творчестве латышских поэтов.

Латышская поэзия стремится отразить все важные события нашей советской жизни, быть глубоким отзвуком этих событий.

Одна из тем, которую разрабатывают наши поэты,—это возрождение промышленности, стахановское движение. Под'ем индустрии — важнейшая задача всей нашей страны. У каждого рабочего станка идет борьба за новые достижения — и какие! Побеждают новаторы — замечательные советские люди с их богатым и глубоким духовным миром. Отразить этот мир — вот к чему стремятся поэты. В их стихах появились образы, до сих пор нашей поэзии неизвестные, — образы стахановцев, скоростников, новаторов. Поэзия прониклась огромностью жизнеощущения советских людей.

— Вот плавка счастья нашего сегодня!—
Восторженно мне мастер говорит. —
Вот эта сталь на стройке всенародной
Наш замысел в свершеньях воплотит,
Мостами выгнется над ширью водной,
Турбинами пороги укротит!..

Это — строки из стихов А. Имермана (перевод В. Державина). Тема труда нашла сильное эмоциональное отражение в поэме о молодежи Валдиса Лукса «Рита начинает жить», в цикле стихов Александра Чака о подвигах стахановцев, во многих стихах других поэтов.

Сейчас в Латвии уже свыше семисот колхозов. Переход к колхозному производству ежедневно, ежечасно связан с глубокими внутренними процессами перевоспитания крестьянина. И здесь есть что наблюдать художнику, есть о чем рассказать! Понятно, что такая важнейшая сторона нашей новой жизни не могла остаться вне поля зрения поэтов. В их творчестве все большее место занимает колхозная тема, становление нового трудового крестьянина, его внутренний мир. Она лучше всего выражена у Андрея Балода (сборник «Носители жизни»), Яна Грота (сборник «Будущее»), Ю. Ванага (стихи о людях латышской деревни).

Однако сразу же надо сказать, что среди удачных поэм и стихов, посвященных процессам нового, есть у поэтов и такие стихи, которые еще не выражают сущности этих процессов. Бывает, что поэты идут по пути наименьшего сопротивления: воспевают лишь внешне картины труда, либо ландшафты — колхозные поля. В подобных стихах нет ни глубоких мыслей, ни раскрытия чувств, чаяний народа.

Неоценимое достоинство новой латышской поэзии в том, что она вся пронизана ощущением дружбы советских народов. Этим окрашены, одухотворены все стихи, какой бы темы они ни касались. Наши поэты М. Кемпе, П. Вилип, Я. Грот, Ю. Ванаг и другие побывали в братских советских республиках, видели бурное цветение их народного хозяйства и культуры. Это помогло поэтам более широко познать жизнь всей советской страны, раздвинуло их творческие горизонты. Поэты создают стихи о теснейшей связи латышского народа со всеми братскими народами и часто достигают большой художественной силы. Любопытное освещение этой темы видим, например, в стихотворении А. Чака «Каменный уголь»:

...Плету венок тебе словесный
И отдаю сердечный жар:
Ты к нам пришел путем чудесным,
Народов братских щедрый дар.

Донбасса шахта ли послала
Тебя, чтоб здесь ты запылал,
А может, из-за гор Урала
С земли Сибирской твой накал?

В труде мы помним и в веселье
Всех тех, кто нам тебя дарит.
Идем мы вместе к общей цели,
Одна звезда для нас горит.

(Перевела Н. Павлович).

Много внимания советские латышские поэты уделили песенному жанру. В содружестве с лучшими композиторами они написали песни, проникнутые мотивами новой советской жизни. Этим сделана предварительная—и немалая!—работа для будущих ежегодных традиционных латышских «Праздников песни».

Эти творческие успехи — свидетельство того, что латышская поэзия активна и жизнеспособна. Тесная связь с жизнью, со своим народом — залог ее успешного роста.

Всеволод ИВАНОВ

КНИГА ВЕЛИКОЙ ПРАВДЫ

В Советской Латвии много отличных писателей. Но к тому, что латышские писатели — хорошие писатели и их много, нужно добавить еще одно замечательное качество: в латышской литературе равномерно развиты все жанры. Это очень стройная литература, и развитие ее совершается стройно.

Латышская литература блещет не только разнообразием талантов, но и разнообразием областей народной жизни, которые она освещает светом своих талантов. Вот передо мною лежит книга, книга своеобразная, оригинальная, а, главное, до краев наполненная великой правдой жизни; книга, искренне и горячо рассказывающая о переустройстве общества, о переустройстве, которое осуществляют пылкое и чистое сердце советского человека, неуклонная большевистская воля, острый и пытливый ум, воспитанный могучим учением Ленина—Сталина.

Я говорю о романе Анны Саксе «В гору».

Роман рассказывает о судьбах современного латышского крестьянства, о латышской деревне, вернее, о хуторах, так как, стремясь создать кулацкий форпост против советского государства, англо-американские империалисты всеми мерами помогали ульманисам дробить латышскую деревню, превращать ее в столыпинскую мечту, в кулацкие хутора.

Это роман о сельской интеллигенции, о большевиках, которые переделывают старую деревню, расширяют ее ограниченный кругозор, выводят ее на широкую и светлую дорогу великолепной советской жизни.

Латвия совсем недавно приступила к строительству советского общества. Ей приходится итти усиленным шагом. Это убыстренное движение вперед сгущает и события жизни, и события романа, отражающего жизнь. Народ Латвии, учась на опыте строительства социализма в братских республиках СССР, быстро развивает свое хозяйство и культуру, социалистическое хозяйство и социалистическую культуру. И в романе А. Саксе «В гору» этот творческий великий порыв вперед показан замечательно выпукло и убедительно.

Главное в романе — показ нашей сельской интеллигенции, партийных и беспартийных большевиков деревни, патриотов, страстно любящих свою социалистическую Родину, неуклонно работающих для ее величия и развития. Великолепны фигуры коммуниста Озола, комсомолки Мирдзы, Вилиса Бауска, Эльзы Янсон. Они говорят о том, что в латвийской деревне, как и во всех селах и деревнях нашей обширной родины, выросли крепкие, умные, общественно сознательные кадры советской интеллигенции. Читая книгу, мы снова и еще раз осмысливаем великий процесс, происходивший в советской деревне. Раньше, как нам всем известно по истории и по романам, человек полей, желающий получить образование, стать культурно-развитым, должен был непременно попасть в город. Если некоторые деревни и освещались электричеством, то освещались случайно лишь от городской сети. Ныне деревня создает свои колхозные электростанции, она освещена светом — и в буквальном, и в переносном смысле.

Анна Саксе показывает нам растущих людей новой советской деревни, показывает решающую победу коммунистической партии, партии, вместе со всем советским народом создавшей колхозный строй и уничтожившей межи.

Межа! Это слово уже почти незнакомо молодым советским людям, разве что иной вспомнит — «По ниве прохожу я узкою межой»... Старики отлично знают это слово; печальные воспоминания встают перед ними, грустная история русского крестьянина, зажатого между кулаком и помещиком, вспоминается вам. Межа — это собственность. Межа — это неустанный рабский труд на своей жалкой полоске. Межа — это беспросветная жизнь, отсутствие культуры, неграмотность. Межа — это наступление кулака и помещика...

В романе есть несколько строк, которые освещают психологию деревенского кулака-собственника с потрясающей силой. Автор, говоря о кулаке Петере Думине, пишет:

«Как крот, копался он в своей земле с рассвета дотемна. Земли у него много, а все не знал, где бы еще урвать. Края своих межей он так запахивал, что оставлял полосу не шире лезвия косы, и, чтобы поля не сливались, соседям всегда приходилось отступать. Следующей весной повторялась та же история».

Какие это злые, тупые собственники, ненавидящие все живое и творческое! Трудно даже и представить, чтобы тупость могла быть столь разнообразной, но ведь мы знаем, что и уродство тоже весьма разнообразно. От кулацкой собственности до бандитизма—шаг, короче человеческого волоса. Кулак был бандитом, отнимая чужую землю, и применял методы самого бессмысленного и дикого бандитизма, как только кто-нибудь выражал желание отнять у него награбленную землю. Конечно, ни о какой справедливости он размышлять уже не может, да и какую справедливость могут ощущать волки, эти сумасшедшие «дикие кошки», беспощадно и сурово разоблаченные А. Саксе!

Книга Анны Саксе «В гору» — очень искренняя книга. Роман говорит правду, ничего не скрывая, ничего не лакируя. И поэтому вы уже через несколько страниц, прочтенных вами, привязываетесь всей душой к автору, верите ему и, как с другом, бок о бок, рука об руку, идете с ним по длинной и трудной дороге жизни. Вам встречаются и веселые и бодрые картины, встречаются и грустные, очень грустные.

Однако вы не опечалены этой грустью, ибо вы уверены в победе и, конечно, доведете борьбу до победоносного конца. Вы побеждали неоднократно, и многократно будете побеждать! Великий, высоко вознесенный факел большевистской правды освещает вам дорогу.

С огромной приветливостью встретили писателей Латвии не только московские писатели, — встретила вся Москва. Москва — сердце Отчизны, и если это сердце бьется радостно и гордо при виде своих гостей, то значит — приезду их радуется вся наша Родина. Приезд латышских писателей — сам по себе большой подарок для нас. Но если к тому же на стол нашего читателя они кладут свои замечательные книги, вроде превосходной книги А. Саксе «В гору», — наша радость, наша гордость за творческое счастье своих товарищей удесятеряются, наше сердце бьется еще горячей, наши глаза блестят еще ярче, наша дружба крепнет еще сильней, наша Отчизна делается еще прекрасней!

А. Саксе. «В гору». Журнал «Новый мир» №№ 11, 12 за 1948 год.

НОВЫЕ КНИГИ

К декаде латышской литературы в Москве Латгосиздат выпустил книги:

Райнис Я. Вей, ветерок! Народная пьеса в пяти действиях. Перевод с латышского Н. Асеева под редакцией Я. Судрабкална. 176 стр.

Райнис Я. Золотой конь. Сказка весеннего солнца в пяти действиях. Перевод с латышского В Брюсова. 164 стр.

Райнис Я. Избранная лирика. Составил К. Краулинь. 222 стр.

Пумпур А. Лачплесис — латышский народный эпос. 196 стр.

Упит А. Земля зеленая. Роман. Перевод с латышского К. Козловской и Е. Кондратьевой. 834 стр.

Упит А. Обращенный (в серии «Библиотека рассказов»). Перевод с латышского. 70 стр.

Упит А. Пареньки поселка Моховое. Перевод Я. Шумана. 146 стр.

Лацис В. Буря. Роман в 3 частях. Авторизованный перевод с латышского Я. Шумана и З. Федоровой. Ч. 1. 560 стр.

Лацис В. Кузнецы будущего. Повесть. Перевод с латышского О. Балодите. 148 стр.

Саксе А. В гору. Перевод с латышского Д. Глезера. 972 стр.

Саксе А. Отряд командира Янака. Перевод с латышского Я. Шумана и Е. Карган. 104 стр.

Судрабкалн Я. Стихи. 72 стр.

Григулис А. Домик под дикой яблоней. (В серии «Библиотека рассказов»). 72 стр.

Лукс В. Рита начинает жить. Поэма. Перевод с латышского В. Державина. 56 стр.

Ванаг Ю. Рассказы о Даугаве. Перевод с латышского М. Заламан. 174 стр.

Айрас-Берце А. Смерть Менуса. (В серии «Библиотека рассказов»). Перевод с латышского. 64 стр.

Латышские сказки. Перевод с латышского. 304 стр.

В Гослитиздате вышли:

Лацис В. Буря. Роман в 3 частях. Ч. 1. Авторизованный перевод Я. Шумана и З. Федоровой. 472 стр.

Судрабкалн Я. Избранное. Перевод с латышского. 332 стр.

ПЕРЕД ЛИЦОМ НАРОДА

Я. ОСТРОВ,
зам. председателя Совета Министров Латвийской ССР

Известное указание В. И. Ленина о двух культурах в каждой нации полностью относится и к прошлому латышской нации. Историческое развитие латышской культуры, литературы и общественной мысли совершалось не в едином гармоничном потоке, как это пыталось изобразить буржуазное литературоведение, а в упорной, ожесточенной борьбе прогрессивного и реакционного течений.

С момента вторжения немецких псов-рыцарей в Прибалтику в конце XI и в начале XII века, вплоть до середины XIX века, монополия просвещения и литературы для «туземцев» (так называли латышей немецкие поработители) находилась в руках немецкой церкви. При помощи этой монополии они осуществляли свою «культурную миссию», целью которой было — уничтожить огнем и мечом местное население, а потом онемечить оставшихся в живых. Пять с лишним веков черные господа церкви и баронство держали народ в неграмотности и невежестве.

Латышские буржуазные националисты считали этих иностранцев — «аустерландеров»—основоположниками национальной литературы, науки и культуры, просветителями народа. И во времена царизма, и в мрачные годы ульманисовского фашистского режима они всячески восхваляли деятельность немецких пасторов и баронов. Это неудивительно: цели и у тех и у других совпадали. Буржуазные националисты меньше всего были заинтересованы в просвещении своего народа, в развитии подлинной национальной культуры.

Растленная литература буржуазных националистов, как и предшествующая ей реакционная литература немецких колонизаторов-крепостников, народом Латвии отвергнута.

Золотой фонд латышской национальной литературы составляет прогрессивная, подлинно народная литература. Основоположниками ее были А. Пумпур, Эд. Вейденбаум, Янис Райнис и другие деятели литературно-демократического движения прогрессивной интеллигенции, которая связала впоследствии свою судьбу с рабочим движением.

Нашу национальную литературу представляют произведения народного писателя Андрея Упита, слава которого сравнима только со славой Райниса. Во время революции 1905 года А. Упит стал на марксистские позиции, и с тех пор его литературная судьба неотрывна от борьбы пролетариата.

Наш золотой фонд, наконец, — это наша современная латышская литература, унаследовавшая лучшие традиции советской литературы, в первую очередь русской.

Все лучшее, что есть в латышской литературе, искусстве и культуре, носит на себе печать благородного влияния передовой русской культуры. Так, в творчестве братьев Каудзит несомненно влияние Гоголя; творчество писателей эпохи «национального пробуждения» 60-х и 70-х годов прошлого века, как и творчество бессмертного певца пролетариата Я. Райниса, одухотворено гением Пушкина, идеями русских революционеров-демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Максим Горький стал духовным отцом многих латышских прогрессивных писателей современности.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, самое существование могучей державы социализма — СССР, произведения советской литературы вдохнули невиданную силу в революционную литературу Латвии. Героическая компартия Латвии и ее партийная литература не позволили буржуазным националистам и их литературным прихлебателям завладеть массами.

В 1940 году народ сверг ненавистный режим Ульманиса и решительно стал на сторону советской власти, вернулся в родную семью советских народов.

Это великое историческое событие не только открыло широкие перспективы революционным писателям, жестоко преследуемым в фашистской Латвии, но бесповоротно определило и литературную судьбу лучших писателей из рядов прогрессивной интеллигенции.

Так, Ян Судрабкалн стал народным поэтом, лауреатом Сталинской премии, Вилис Лацис — народным писателем, Арвид Григулис — заслуженным деятелем культуры и лауреатом Сталинской премии. Общепризнанными, пользующимися всенародной любовью, советскими писателями стали и многие другие.

В грозные годы Великой Отечественной войны народ Латвии кровью скрепил свою братскую дружбу с народами Советского Союза. В эти годы значительная часть наших писателей сражалась в рядах латышских дивизий Советской Армии. Это еще крепче связало нашу литературу с интересами народа.

Исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам помогли вскрыть серьезнейшие недостатки литературы. Были подвергнуты суровой критике послевоенные «отдыхательские» настроения, формализм, аполитичность и безидейность, проявления буржуазного национализма и низкопоклонства перед иностранщиной в творчестве многих писателей и поэтов.

Решения партии, справедливая критика недостатков вызвали у писателей большой творческий под'ем.

«Буря» В. Лациса, «В гору» А. Саксе, «Глина и фарфор» А. Григулиса, «Весна в селе Речном» А. Броделе, новые произведения А. Упита, И. Лемана, Ю. Ванага, стихи Я. Судрабкална, В. Лукса, А. Чака и других — живое свидетельство идейного и творческого роста наших писателей. В литературу пришли молодые, способные авторы — П. Силс, Э. Вилкс, А. Круклис, К. Айзпурс, В. Бельшевица, Ж. Грива, В. Берце.

Недавно ЦК КП(б) Латвии в своем постановлении отметил отрадный факт, что успешно перестраиваются в своем творчестве, становясь на правильный путь социалистического реализма, писатели и поэты, подвергшиеся ранее критике за формализм и безидейность, — Мирдза Кемпе, Элина Залите, Валдис Гревинь и другие.

Наша литература впервые находится на таком высоком идейном уровне. Она показывает моральный облик советского человека, воспитанного партией. Новая советская действительность занимает все больше и больше места в творчестве латышских писателей, равно как и в творчестве латышских художников и композиторов. Советский патриотизм и дружба народов стали главными темами наших книг.

Под'ем литературы — одно из ярких свидетельств преимущества советского строя, раскрывающего огромные возможности для дальнейшего расцвета латышской советской национальной культуры.

Какой жалкой противоположностью нашей высокоидейной литературе выглядит литература буржуазной Латвии, подменявшая патриотизм моралью «человек человеку волк» и собственническими идейками, превращавшая священные понятия «народ» и «отчизна» в разменную монету кулаков и спекулянтов!

Наша литература дает читателю веру в свои силы, уверенность в будущем, чего не могла дать бесперспективная литература буржуазии. Наша литература воспитывает новую коммунистическую мораль, сознательное отношение к труду, к социалистической собственности, к семье, она борется с пережитками прошлого в сознании людей.

Заслугой латышской советской литературы является то, что она сорвала розовое покрывало с идиотизма сельской кулацкой хуторской жизни, сорвала шкуру ягненка с облагораживаемого буржуазной литературой «серого барона» — кулака-мироеда. Народным писателям А. Упиту, В. Лацису, писателям А. Григулису, А. Саксе, А. Броделе, Ю. Ванагу и другим удалось в своих произведениях развенчать этого «положительного» героя буржуазной литературы, показать ярко его звериную натуру.

Но было бы непростительной ошибкой в чем-либо преувеличивать достижения нашей литературы. В ней много серьезных недостатков, она еще очень далека от успехов и достижений русской советской литературы, украинской, грузинской и других братских литератур.

Некоторые писатели и поэты, как А. Кенинь, А. Чак, еще не преодолели в своем творчестве влияния формализма. Ян Грот, Валдис Гревинь и другие, изображая новых людей, строителей коммунизма, прибегают в ряде случаев к старым, избитым литературным штампам. Есть и такие писатели, которые работают не в полную меру сил, без огонька. и поэтому не дали за последнее время ни одного значительного произведения.

Самым отстающим участком у нас является литературная критика и литературоведение. А без принципиальной, большевистской критики немыслимо успешное продвижение литературы вперед. Крайне недостаточна помощь Союза советских писателей Латвии молодым и начинающим авторам.

Литература в Советской Латвии — общенародное дело; поэтому все мы — партийные и советские работники, стахановцы предприятий, колхозники, работники науки, просвещения и культуры — полны решимости помочь нашим писателям создать литературу, достойную великой сталинской эпохи.

Мы с радостным волнением пришли на всесоюзный смотр нашей литературы перед лицом братских народов и всей советской общественности. Это поистине выдающееся событие несомненно поможет дальнейшему росту литературы и всей советской латышской национальной культуры.

А. АВДЕЕНКО,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НАШ СУДЬЯ

В эти дни сотни тысяч агитаторов и пропагандистов все чаще навещают рабочие квартиры и колхозные избы. Кумачом и электрическими лампочками украсились знакомые двери агитпунктов, вновь зазвучали взволнованные речи о торжестве и радости советской жизни, — в стране развернулась избирательная кампания по выборам народных судей и народных заседателей. Прошли уже выборы в Ивановской, Томской областях и в Татарии, завтра избирают народы Карело-Финской ССР, Дагестана и Кабарды, избиратели Горьковской, Кировской, Калужской и многих других республик и областей. Я побывал в Иваново—городе славных советских текстильщиков и машиностроителей — в дни избирательной кампании и был свидетелем большого народного торжества, глубокого выражения народной гордости за свою социалистическую законность, за свой советский суд.

Судья! Сколько бессмысленной жестокости и бесчеловечной подлости долгими веками вмещало в себе это страшное для трудового люда слово. О судье писали и пишут, говорили и говорят так:

— Он не человек, а статуя, холодная, глухая, безмолвная. Взгляд его свойственен людям, которые не хотят, чтобы кто-нибудь читал их мысли. Потому он превращает свои глаза в матовое стекло — глаза идола, круглые глаза мертвеца. Он смертельно ненавидит правду, истину, труд. Он любит только ложь, подкуп, взятку, волокиту, обман. Он преклоняется только перед деньгами, богатством, силой.

Местожительство этого страшного существа, имеющего человеческий облик, — царская Россия и современные капиталистические страны. Гнусную человеконенавистническую свою физиономию оно прикрывало и прикрывает высоким, святым именем судьи.

Тридцать один год назад на нашей земле появился новый советский судья, к сожалению, до сих пор не воспетый в наших книгах, песнях, драмах. А народ, между тем, уже имеет о своем судье твердое и давнее суждение, полное огромной любви и гордости.

Наиболее ярко отношение народа к своим судьям проявляется сейчас, когда идут всенародные выборы судей и народных заседателей.

Мария Алексеевна Башева — один из народных судей, избранных в Ивановской области 19 декабря.

В доме № 33 на Театральной улице помещается народный суд Фрунзенского района. Здесь рабочее место судьи Башевой. Войдем в этот дом, в одну из ячеек нашей советской жизни.

Мы — ровесники Октября. Мы те, чей возраст почти совпадает с возрастом Октябрьской революции. Мы так привыкли к образу нашей социалистической жизни, мы в таком изобилии пользуемся ее щедрыми плодами, что подчас теряем способность удивляться ее чудесным явлениям, до сих пор небывалым на земле. Одно из таких явлений, которому мы, писатели, не удивляемся на страницах своих книг, есть наш народный суд.

Зал суда предельно переполнен. Я смотрю на людей, всецело поглощенных процессом судебного допроса, и вспоминаю слова М. И. Калинина: «Я ручаюсь, что если судья умеет хорошо разбирать и разрешать дела, то у него всегда обеспечена аудитория, его камера всегда будет полна слушателями».

В глубине зала за столом, накрытым красным сукном, под бронзовым гербом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, сидит народный судья М. А. Башева — сероглазая, с овальным лицом, еще не тронутым морщинами, с русыми волосами, заплетенными в тугие девичьи косы. Печать спокойствия, серьезного раздумья, горячей работы мысли лежит на всем облике Башевой. Справа и слева от нее — народные заседатели.

Перед судом за невысоким барьером скамьи подсудимых — несколько человек, обвиняемых в расхищении социалистического имущества. Их преступные деяния изложены на сотнях листов. Органы милиции и прокуратуры в течение длительного времени устанавливали, как, когда и кем было совершено преступление, определили статью, согласно которой оно должно быть наказано. Судья, однако, внимательно и терпеливо восстанавливает всю историю преступления, как будто ему до сих пор ничего не было известно. Она внимательно выслушивает подсудимых, свидетелей, задает вопросы и предстает перед нами, слушателями, как психолог и юрист, как блюститель правов и принципиальный коммунист, как человек кристальной моральной чистоты и патриот, горячо влюбленный в нашу Родину, ревниво охраняющий интересы народа. Весь облик Башевой как-то мягко, неслышно, незаметно входит вам в сердце. Манеры Башевой — манеры предельно скромного человека, твердо, раз и навсегда знающего, во имя кого и во имя чего он работает и живет.

И во всем этом ясно чувствуется один источник, из которого выросли все качества Башевой — судьи и человека, — наша советская жизнь, ее высокие святые законы. Башева всю свою сознательную жизнь была с народом, в его авангарде. В 15 лет она стала комсомолкой, в 22 года — членом большевистской партии. 23 года из 38, прожитых ею, она росла в боевых рядах комсомола и партии. Она видит цель, смысл своей жизни в самоотверженном труде, в заботе о государственных интересах, в защите человека от посягательств на его политические и имущественные права. Вот почему в каждом слове Башевой, как судьи, я чувствую беспредельную любовь к своей судейской работе. Здесь каждый судебный процесс требует творческого горения и неустанного труда: истина должна торжествовать! Ее надо искать и обязательно находить в любом, самом трудном судебном деле, как бы далеко эта истина ни была спрятана подсудимыми или свидетелями.

Башева в процессе судебного следствия говорит скупо, ровно-спокойным голосом, без всяких ораторских ухищрений, чаще всего в форме вопросов. Но сколько она успевает сказать, сколько мыслей и чувств возбуждает она у нас, слушателей, своими вопросами!

Слушая судью, я думаю о том, что трудовые люди не знали справедливого закона, защищающего их интересы, до тех пор, пока существовало на нашей земле насилие человека над человеком. Народ, взявший власть в свои руки, народ, ставший хозяином своей судьбы, создал истинно справедливый, истинно человеческий закон, стоящий на страже труда и достоинства советского человека, карающий нарушителей норм социалистической морали.

Вот на этот закон со спокойной совестью и опирается любой советский судья. В нем он черпает истину. Об этом законе напоминает статья 112 Конституции СССР, гордо водруженная над судейским столом: «Судьи независимы и подчиняются только закону».

Кропотливым перекрестным допросом и вопросами, как будто внезапными, неожиданными, а на самом деле глубоко обдуманными, подготовленными, рожденными сутью судебного дела, его тайными, неуловимыми, на первый взгляд, извилинами, народный судья Башева постепенно восстанавливает истину. К концу судебного заседания выяснилось, что некто Васильев, уличенный в хищении, оклеветал, сводя личные счеты, гражданок Лукьянову и Мозееву. Суд оправдал их обеих и освободил из-под стражи. Выяснилась также истина в трудном деле с кражей масла на фабрике им. Крупской. Благообразный старичок, этакий тихоня с виду, церковный староста, выступавший в начале судебного заседания как свидетель, в процессе судебного следствия был уличен как главный вдохновитель воровской шайки, как скупщик краденого масла, необходимого ему для «священного» огня церковных лампад.

Распутала М. А. Башева еще одно трудное дело. Перед судом предстали два молодых человека, обвиняемых по одному и тому же делу, — Воротилов и Грубов. Один из них — Грубов судился заочно. Боясь суда, он сбежал. У судьи как будто были неопровержимые доказательства вины Грубова, вины, усугубляющейся фактом его неявки в суд. Башева, между тем, в процессе судебного следствия твердо установила, что преступление совершил один Воротилов, в чем он в конце концов вынужден был сознаться. Грубову был вынесен оправдательный приговор.

Я всю жизнь буду помнить момент оглашения приговора. В полной тишине, исполненной торжественности, напряженного ожидания, прозвучал голос судьи, голос, вдруг выросший, ставший необычайно сильным и чистым:

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

И с этой секунды Башева, как Башева, казалось, перестала существовать. Остался судья, произносящий своими устами истину, которую ему доверил народ. Башева как бы растворилась в том, чьей властью она одному человеку даровала свободу, а другого заключала в тюрьму.

Именем народа творится на нашей земле истина в большом и малом деле.

Именем народа благословляется наш человек на большие и малые подвиги, именем народа наказываются те, кто нарушает святые законы нашего общества.

Приговор оглашен. Судебное заседание окончено. Но мы, слушатели, не спешим расходиться. Я смотрю на людей, пришедших послушать разбор судебных дел, и по глазам ткачих и слесарей, механиков и инженеров вижу и чувствую, как высоко они оценивают благородное и трудное дело народного судьи.

Когда мы спускались по лестнице дома суда, человек с красным обветренным лицом и черными, тронутыми первой сединой усами задумчиво проговорил вслух:

— Вот это человек! Народную совесть несет она в сердце своем.

Он сказал то, что мы все чувствовали.

Мы вышли на улицу. По темноголубому небу в белоснежном одеянии пуховых облаков мчалась круглая веселая луна. В ее свете незаметными казались гирлянды городских электрических огней. Воздух был морозным, прозрачным, настоенным, казалось, на чистой радости. Как хорошо дышать таким воздухом, как хорошо жить под таким небом, на такой земле, которую освещает вечный, неугасимый свет справедливости, правды, добра и человеколюбия — свет законов нашей жизни.

ИВАНОВО. (По телефону).

К ИТОГАМ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

АГРЕССОРЫ БЕЗ МАСКИ

Г. ПЕТРОВ

1. ЧУДЕСА МИСТЕРА ДАЛЛЕСА

На последнем, пятидесятом по счету заседании третьей сессии Генеральной Ассамблеи в Париже выступили официальные ее руководители — председатель Ассамблеи Эватт и генеральный секретарь ООН Трюгве Ли. Цветистым узором вычурных речей они пытались замаскировать, закрасить провал этой сессии. Они лицемерно заявляли, что, поскольку сессия еще не закончилась и будет продолжена в апреле 1949 года, трудно или почти невозможно подвести какие-либо итоги ее работы.

С другой стороны, мастер острых блюд в международной политике Джон Фостер Даллес, возглавлявший после от'езда Маршалла американскую делегацию, взобравшись на трибуну, не краснея, заявил, что нынешняя Ассамблея ознаменовалась сплошными «успехами» и «чудесами». Нам не известны «чудеса» новоявленного американского фокусника. Может быть, он имеет в виду отказ англо-американского большинства Ассамблеи запретить атомное оружие и сократить вооружения вопреки воле народов всего мира? Может быть, «чудеса» мистера Даллеса состоят в воскресении из мертвых межсессионного комитета, которому незаконно продлили существование еще на один год? Или же эти «чудеса» и «успехи» заключаются в той наглости, с какой используется теперь Организация Об'единенных Наций для вмешательства в дела Греции и Кореи?

Однако, если рассматривать Генеральную Ассамблею без чудес, причуд и прихотей англо-американских политиканов, то картина станет совсем иной.

2. МИРОТВОРЦЫ ИЛИ АГРЕССОРЫ?

Первым и основным вопросом повестки дня сессии Генеральной Ассамблеи было предложение Советского Союза о запрещении атомного оружия и о сокращении на одну треть вооружений и вооруженных сил пяти великих держав в течение одного года.

Отвечая на вопрос о причинах, лежащих в основе советских предложений, А. Я. Вышинский в интервью по радио Об'единенных Наций сказал:

«Делегация СССР указывала на непрекращающуюся бешеную гонку вооружений и вооруженных сил в Соединенных Штатах Америки, Англии и в ряде некоторых других стран англо-американского блока. Делегация Советского Союза указывала на тот военный психоз, который бушует в этих странах, на ту непрерывную мобилизацию сил реакции, не уверенной в завтрашнем дне, которая ведет теперь оголтелую обработку общественного мнения, подстрекая к новой войне. Делегация СССР считала своим долгом обратить внимание на ведущуюся за кулисами Организации Об'единенных Наций в разных штабах и военных канцеляриях Соединенных Штатов Америки, Великобритании и некоторых других стран, находящихся под англо-американским влиянием, лихорадочную работу по подготовке к войне против СССР и стран новой демократии Восточной Европы.

Мы говорили уже в начале этой сессии с трибуны ООН, что миллионы простых людей, своей кровью заплатившие за преступления фашистских организаторов второй мировой войны, не хотят допустить и не допустят повторения новой войны, несущей всему человечеству страшные бедствия и страдания.

Вот те основания, в силу которых советское правительство сочло необходимым поставить перед третьей сессией Генеральной Ассамблеи этот исключительной важности вопрос о запрещении атомного оружия и о сокращении пятью великими державами на одну треть всех своих вооружений и вооруженных сил».

Как же отнеслись к советским предложениям англо-американские руководящие круги и их сателлиты?

Сначала пролился каскад миролюбивых речей, имевших целью обмануть общественность всех стран. Потом ретивый хор миротворцев по команде завопил об отсутствии международного доверия, которое-де мешает и запрещению атомной бомбы и сокращению других видов вооружений. По странной логике англо-американских милитаристов выходило, что международное доверие можно восстановить гонкой атомного вооружения, увеличением числа авиационных полков, оснащением новых пехотных и танковых дивизий.

В тот самый момент, когда с трибуны Генеральной Ассамблеи произносились эти лицемерные, умиротворяющие речи, в окрестностях Парижа, в местечке Фонтенбло, из старых замков выбрасывались музейные редкости: здесь оборудовалась штаб-квартира фельдмаршала Монтгомери, командующего об'единенным штабом так называемого западного союза, охватывающего Англию, Францию и страны Бенилюкса.

В то же время в Вашингтоне, за мягким бархатным занавесом шли непрерывные секретные совещания о создании атлантического пакта, который должен быть заключен для развязывания будущей агрессивной войны. Военный министр США Форрестол планирует оснащение 25 европейских дивизий, а государственный секретарь Маршалл обвиняет Советский Союз в нарушении международного доверия. Что и говорить, неплохое взаимодействие двух родов американского оружия...

Заслуга советской делегации на Генеральной Ассамблее состоит в том, что она вывела на чистую воду англо-американских поджигателей войны. Отказ от принятия советских предложений о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений привел к еще большему разоблачению агрессоров, которые не хотят разоружаться и которые пустили на полный ход свою адскую машину по подготовке новой войны.

3. ШАГ НАЗАД

Организация Об'единенных Наций, призванная служить укреплению мира и международного сотрудничества, мешает агрессорам в осуществлении их планов мирового господства. Если им и нужна какая-то проформа международной организации, то лишь как маскировочный халат для прикрытия агрессивных действий и планов. И если Организация Об'единенных Наций до сих пор не превратилась полностью в своего рода отдел государственного департамента США, то это произошло только благодаря деятельности в ООН боевого и независимого меньшинства, возглавляемого Советским Союзом.

Неудивительно, что англо-американский блок пытался и на этой сессии Генеральной Ассамблеи нанести удар в сердце ООН — по принципу «вето», чтобы лишить Советский Союз той роли, которую он играл до сих пор.

На арену был выпущен хорошо обученный могильщик ООН аргентинский делегат Арсе. Не будем говорить о том, как сочетаются предложения Арсе с теми претензиями на роль сторонников международного сотрудничества, которые заявляли аргентинские представители в Совете Безопасности. Будем говорить о фактах. Факты же сводятся к тому, что при обсуждении вопроса о приеме новых членов в ООН аргентинская делегация внесла предложение решать вопрос о приеме простым большинством семи членов Совета без обязательного единогласия пяти великих держав. Аргентинское предложение настолько явно противоречило уставу, что англо-американцы не решились прямо голосовать за него. Однако окольными путями они все же одобрили смысл предложений Арсе, как «многообещающий акт». Несколько позднее американская делегация предложила созвать конференцию для пересмотра устава ООН. Тем не менее и это мероприятие главные могильщики ООН сочли преждевременным. Они голосовали против. Как видно, велась психологическая подготовка к тому, что нельзя сделать сегодня, но что хотели бы сделать завтра.

Следует напомнить о некоторых других вопросах, обсуждение которых также показало существо общей линии англо-американского блока. Ассамблея приняла решение по вопросу о приеме новых членов в ООН, которое является явной дискриминацией в отношении таких демократических стран, как Болгария, Венгрия, Албания, Румыния, Монгольская Народная республика. Она рекомендовала Совету Безопасности руководствоваться при приеме новых членов в ООН пресловутым заключением Международного суда, казуистический смысл которого раскрыл в своих выступлениях А. Я. Вышинский.

Отвечая на фальшивые речи по поводу «чудес» и «успехов» третьей сессии Генеральной Ассамблеи, глава советской делегации А. Я. Вышинский на заключительном пленарном заседании заявил: «Можно ли при таких обстоятельствах говорить о каких-либо заслугах третьей сессии Генеральной Ассамблеи? Можно ли говорить о сколько-нибудь положительных результатах этой сессии? Нет, нельзя. Больше того, эта сессия войдет в историю ООН как сессия, которая сделала еще один шаг по пути дальнейшего развития той политики, которая ведет к ослаблению международного сотрудничества, к усилению борьбы против мероприятий, направленных не на словах, а на деле на предотвращение новой угрозы войны, на укрепление мира и безопасности народов».

4. ЗА МИР, ПРОТИВ ВОЙНЫ

Советская делегация и на этой сессии Генеральной Ассамблеи неизменно была в центре внимания мировой общественности. Советские предложения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений нашли глубокий отклик в самых широких слоях народов. Свыше двух миллионов болгарских женщин подписали благодарственное письмо на имя делегации СССР. Миллионы итальянских женщин передали приветствия СССР через своих представителей, посетивших в Париже главу советской делегации. Рабочие и крестьяне Франции через свою руководящую партию коммунистов во всеуслышание заявили, что французский народ никогда не будет воевать против Советского Союза. Пусть этот клич истинных наших друзей вызывает злобу и ненависть разных жюлей моков и даллесов, но к этому лозунгу присоединятся многие миллионы простых людей, видящих в Советском Союзе защитника мира и свободы. Голос советской делегации звучал не только в зале дворца Шайо, он был слышен во всех уголках земного шара. И если советская делегация и делегации стран народной демократии оказались в формальном меньшинстве среди 285 делегатов Генеральной Ассамблеи, их политика найдет единодушную поддержку среди большинства сторонников мира.

ПАРИЖ—МОСКВА

Эльмар ГРИН

Слова и дела г-на Фагерхольма

Финляндия получила независимость из рук Ленина и Сталина. Отношение советского народа к этому историческому акту с предельной четкостью было выражено словами товарища Сталина: «...Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров».

Вся дальнейшая история отношений между двумя странами свидетельствует о том, что Советский Союз честно придерживался этой политики — политики уважения суверенных прав финского народа. Но реакционные правители, установившие свою власть над финским народом с помощью германских штыков фон дер Гольца, превратили территорию Финляндии в плацдарм антисоветских интриг, в белогвардейский притон, где подготовлялся поход на молодое тогда еще советское государство.

Сколько раз на протяжении прошедших тридцати лет финская реакция использовала свое пребывание у власти в антисоветских целях, то-есть во вред своему народу! Мы имеем в виду то поддержку Юденича и налеты на Советскую Карелию, то коленопреклонение перед Вильгельмом II, как протектором «финского королевства» во главе с его родственником принцем Фридрихом Карлом Гессенским, то сдачу страны в аренду англо-французским интервентам. Германофил Свинхувуд сменялся антантофилом Маннергеймом, лапуассцы и коалиционеры — «социалистами» типа Таннера и Хаккила, но независимо от всех перемен политической декорации социальное содержание внешнеполитического курса финской реакции оставалось неизменным: она старалась сделать Финляндию предмостным укреплением для любых вариантов «крестового похода» против СССР. Она спекулировала на географическом положении страны, на том, что в ее возможностях было помочь интервентам установить пушки в тридцати двух километрах от Ленинграда.

С советской стороны было сделано все, чтобы ликвидировать взаимное недоверие, в течение 150 лет существовавшее между Россией и Финляндией. Но как ответили на эти попытки реакционные правящие круги Финляндии? Они отравляли народ шовинистическим ядом ненависти к СССР, разжигали финноманские чувства, зарились на советские территории до Урала и даже до Енисея, как на «исконное жизненное пространство угрофинской расы».

Еще в 1939 году, когда на Западе шла война и в результате сговора гитлеровского штаба с финским создалась угроза северным границам Советского Союза и колыбели революции — городу Ленина, кто первым предложил ценой взаимных уступок устранить возникшую напряженность? И кто отверг это предложение? Кто отверг также предложение о заключении пакта о взаимопомощи, подчеркнув тем самым свою непримиримую враждебность, приведшую, в конце концов, к печальному для Финляндии конфликту? Их имена — Рюти, Таннер, Линкомиес, Кивимяки! Все они заклеймены финским народом, как военные преступники, как виновники двух национальных катастроф. На их совести сотни тысяч жизней молодых финнов.

Политика вражды к великому миролюбивому соседу была «ориентиром» финской реакции в промежутке между двумя мировыми войнами. С легкостью сменили хельсинкские правители былое германофильство на благоволение англо-французских банкиров в 1918 году. С такой же быстротой они в 1940—41 гг. переметнулись из англо-французского империалистического лагеря в об'ятия Гитлера. Гитлеровский «рейх» казался им всесильным, несокрушимым, с его помощью они хотели овладеть манящими богатствами Советской Карелии, захватить Ленинградскую область.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией развеяла в прах мечты финской реакции. Советская Армия прогнала немецкие орды и их союзников от ворот Ленинграда. В своем неудержимом движении вперед советские войска дошли до берегов Атлантического океана на севере и вынудили гитлеровцев убраться и из Финляндии. И тут весь мир узнал, как далеко может простираться великодушие советского народа, когда дело касается уважения прав других наций. Советский народ не воспользовался своим правом победителя, не оккупировал Финляндии. Высказывания Ленина и Сталина о желании видеть Финляндию свободной и самостоятельной остались незыблемыми. Советский народ широко распахнул двери для торговли, для культурного общения, желая установления искренней и прочной дружбы. Правительство Мауно Пеккала, находившееся у власти до конца июля 1948 года, по мере сил старалось укрепить независимость страны, развивать дружественные отношения с миролюбивым Советским Союзом. Правда, и тогда правые социал-демократы путались в ногах у этого правительства, ставя палки в колеса, всячески тормозя демократическое развитие страны. Но в первые годы после войны голос простого человека вынуждал их скрывать под маской дружбы свое «влечение, род недуга» к осужденному историей и финским народом реакционному направлению финской политики.

После войны Советский Союз сделал немало для того, чтобы закрепить ростки дружбы между обоими народами. Советский Союз обеспечил Финляндию самым необходимым — продовольствием. Советский Союз пошел на снижение репарационных платежей. Советский Союз пошел на уступки в отношении немецких активов в Финляндии, которые по мирному договору переданы СССР. Заключенный договор о дружбе укрепил независимость Финляндии, стабилизировал ее внешнеполитическое положение. Товарищ Сталин в своей речи от 7 апреля 1948 года на обеде, данном в честь финляндской правительственной делегации, прибывшей в Москву для заключения договора о дружбе, сказал: «Я хотел бы, чтобы от длительного периода взаимного недоверия, в течение которого мы дважды воевали друг с другом, мы перешли к новому периоду в наших отношениях, — к периоду взаимного доверия». Дела Советского Союза полностью соответствуют этим словам.

Но можно ли сказать, что глава нынешнего правительства Финляндии г-н Фагерхольм, пришедшего при помощи внутренних и внешних интриг на смену правительству Пеккала, честно стремится к искренней дружбе с Советским Союзом? Соответствуют ли его дела расточаемым им любезным улыбкам и возвышенным декларациям о дружбе с Советским Союзом?

Прямо скажем, — нет!

Фагерхольм использует любой повод для того, чтобы подчеркивать неизменные чувства дружбы, которые якобы питает его правительство к советской стране; он уверяет, что сейчас покончено с той политикой, которая превращала Финляндию в самую далеко выдвинутую к границам СССР пешку на шахматной доске антисоветских комбинаций империалистических сил.

Но тут же Фагерхольм, ссылаясь на пресловутую «нордическую ориентацию» и «северную общность», втягивает Финляндию в черчиллевско-бевинскую «Об'единенную Европу».

Можно ли говорить о политике искренней дружбы с Советским Союзом, если председатель социал-демократической фракции сейма Хаккила (тот самый, который назначен «главнонаблюдающим» за Таннером!) ведет переговоры с Черчиллем о присоединении Финляндии к «Об'единенной Европе»?

Посланник США в Финляндии высоко оценил результаты деятельности Фагерхольма по ликвидации демократических завоеваний финского народа и настолько раскошелился, что заговорил о займе.

По приглашению правительства Фагерхольма Финляндию обследовали вдоль и поперек представители Международного банка реконструкции, где, как известно, первую скрипку играют американцы.

Решение всех этих заокеанских «экспертов» гласит: для получения обещанных благ Финляндия должна присоединиться к маршаллизированной Европе. Правда, американский посланник Уоррен готов проявить известный либерализм: учитывая щекотливое положение Фагерхольма, он сейчас согласен довольствоваться фактическим присоединением без формального, то-есть гласного подтверждения этого акта. Итак, достаточно одного лишь джентльменского заверения в том, что экономический и военный аспекты «плана Маршалла» будут положены в основу финской внутренней и внешней политики. Конечно, при условии, что Финляндия будет соблюдать все основные пункты двусторонних соглашений, навязанных США остальным маршаллизированным странам: сократит торговлю с Восточной Европой, направит товары в маршаллизированные страны Запада, организует совместно с американцами работы по геологическим изысканиям на севере Финляндии, создаст американо-финляндскую компанию по эксплоатации естественных ресурсов и пр. и пр. Таков внешнеполитический путь, по которому г-н Фагерхольм ведет сейчас Финляндию.

Своеобразно понимает Фагерхольм также и развитие культурных связей с Советским Союзом, если учесть, что в финских театрах ставятся антисоветские пьесы, восхваляющие «военную доблесть» финских фашистов, если клубы и спортивные организации превращаются в очаги для таких распущенных по мирному договору «культурных» организаций, как «Карельское академическое общество», «Шюцкор», а советских граждан избивают в полиции по всем «традициям» и правилам финской охранки.

Впрочем, с точки зрения реакции Фагерхольм уже сделал свое дело. Он не только возродил таннеровскую политику, но и выпустил на свободу ее автора — самого Таннера и других военных преступников — Линкомиеса и Кивимяки.

Так завершился круг. От политики Таннера к самому Таннеру.

Из всего сказанного совершенно ясно, что сторонники «третьего пути Фагерхольма», воплощенного в нынешней внешней и внутренней политике Финляндии, всячески толкают страну на пагубный для нее путь маршаллизации. Они пытаются при этом скрыть от народных масс, что путь этот несет Финляндии потерю национальной независимости и экономической самостоятельности, усиление обнищания трудящихся, рост безработицы, установление контроля американских монополий над всеми областями общественной жизни страны. В то же время политика Фагерхольма, как и его предшественников из лагеря реакции, неминуемо ведет к ухудшению отношений с СССР и потому не сулит финскому народу ничего, кроме явного вреда.

Таковы неизбежные выводы из конкретных и неопровержимых фактов, как бы усердно ни старался господин Фагерхольм гримировать эти факты всякого рода словесными заверениями.

Следует, однако, учесть, что трудящиеся массы Финляндии, наученные горьким опытом недавнего прошлого, не могут одобрить внешнеполитический курс, неизбежно ведущий в конечном счете к ухудшению их собственного положения. И хотя финская реакция стремится игнорировать волю этих масс, — сейчас уже не те времена, когда народу можно было заткнуть рот. Это касается любой страны. И, конечно, Финляндия, в данном случае, не является исключением!

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 5-09-66, К 0-36-84.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—04221